

УДК 94"17(47.24)

DOI: 10.34680/978-5-89896-734-5/2020.NHB.18

П. В. Седов

ХЛЕБНЫЕ ЦЕНЫ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Аннотация. Статья посвящена малоизученной и актуальной теме – хлебной торговле и хлебным ценам в Новгороде во второй половине XVII в. Автор вводит в научный оборот значительный комплекс новых архивных данных из фондов Валдайского Иверского и Успенского Тихвинского монастырей Архива Санкт-Петербургского института истории РАН.

Сведения о ценах проанализированы в контексте реальных условий торговли, меняющейся конъюнктуры рынка, неурожаев, эпидемий, поставок хлеба в казну, налогов военного времени и тому подобных обстоятельств. Автор делает вывод о том, что утвердившееся в историографии мнение о существовании в России XVII в. (вплоть до 1679 г.) шестичетвериковой четверти должно быть пересмотрено. В статье приведены аргументы в пользу того, что переход с шестичетвериковой четверти на восьмичетвериковую состоялся не в 1679 г., а в начале XVII в.

Ключевые слова: Новгород XVII в., хлебные цены, аграрная история Новгородской земли XVII в., меры сыпучих тел XVII в.

Abstract. The article is deals with a poorly studied and relevant topic – grain trade and grain prices in Novgorod in the second half of the 17th century. The author introduces into scientific circulation a significant set of new archival data from the funds of the Valdai Iversky and Assumption Tikhvin monasteries of the Archives of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.

Price information is analyzed in the context of real terms of trade, changing market conditions, crop failures, epidemics, grain supplies to the treasury, wartime taxes and similar circumstances. The author concludes that the opinion about the existence in Russia of the 17th century, established in historiography, (up to 1679) the six-quarter must be revised. The article provides arguments in favor of the fact that the transition from a six-quarter quarter to an eight-quarter quarter took place not in 1679, but at the beginning of the 17th century.

Keywords: Novgorod of the 17th century, bread prices, agrarian history of the Novgorod land of the 17th century, measures of loose bodies of the 17th century.

Ключевой проблемой экономического развития России XVII в. является формирование всероссийского рынка. Известный тезис В. И. Ленина

о его формировании «примерно с 17 века» стал путеводной звездой для нескольких поколений советских историков. Исследователи настойчиво искали в источниках подтверждения ленинских слов о том, что слияние отдельных районов страны «вызывалось усиливавшимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных» (Ленин, 1967. С. 153–154).

Сначала исследователи находили сложившийся всероссийский рынок в XVII в. (Сербина, 1951. С. 180). Начиная с 1970-х годов возобладало представление о том, что в XVII столетии имело место лишь начало этого процесса, а завершение следует искать в конце XVIII в. или даже XIX в. (Ковальченко, Милов, 1974. С. 381; Миронов, 1981. С. 21, 245).

При этом мысль В. И. Ленина о том, что хозяевами процесса складывания всероссийского рынка в самодержавной России XVII в. были «капиталисты-купцы», не вызвала сомнений у исследователей. Попытаемся проверить этот тезис на новгородских материалах второй половины XVII в.

Хлебные цены являются важнейшим инструментом для анализа средневековой экономики. Применительно к Новгороду второй половины XVII в. эта тема не была предметом специального исследования, главным образом, поскольку местные таможенные книги за указанный период не сохранились. А. И. Раздорский недавно обнаружил единственную таможенную книгу Новгорода второй половины XVII в., однако текст этого источника еще не введен в научный оборот (Раздорский, 2020. С. 332–342).

Значительный объем сведений о хлебных ценах в Новгороде за вторую половину XVII в. содержится в монастырских приходо-расходных книгах. Еще большее значение для изучения хлебной торговли имеет внутренняя монастырская переписка, поскольку она содержит уникальные сведения о неформальных обстоятельствах купли-продажи хлеба и поставках его в государевы житницы. В данной работе для изучения хлебных цен (ржи и овса) использованы документы Валдайского Иверского (ф. 181) и Успенского Тихвинского (ф. 132) монастырей, а также софийского владычного дома (ф. 171) Архива Санкт-Петербургского института истории РАН.

Перед анализом хлебных цен следует прояснить два метрологические вопроса: соотношения четверти и четверика и отношение «новгородского» четверика к «московскому».

Хлебные цены в XVII в. указывались, как правило, либо в четвертях, либо в четвериках. Для установления цены ржи и овса принципиальное значение имеет количество четвериков в четверти. Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов в классическом издании по русской метрологии

подробно рассмотрели вопрос о времени перехода с шестичетвериковой четверти на восьмичетвериковую. Исключительно по косвенным данным, в первую очередь по весовому значению четверти, авторы пришли к выводу о том, что до 1679 г. она была шестичетвериковой, затем произошел переход на четверть в 8 четвериков, одновременно с введением нового основного налога страны – стрелецких денег (Каменцева, Устюгов, 1975. С. 102–111).

Данный вывод основан на априорном убеждении, что четверик точно соответствовал пуду зерна и, следовательно, четверть в 6 пудов с небольшим непременно была шестичетвериковой. Однако четверть могла весить несколько более 6 пудов и быть при этом восьмичетвериковой: все зависело от веса четверика.

Крупнейший советский метролог Н. А. Шостьин также полагал, хотя и не безусловно, что переход на новый размер четверти случился одновременно с введением подворного обложения: «По-видимому, переход от 6-ти пудовой к 8-ми пудовой четверти был проведен в соответствии с указом от 2 сентября 1679 г., предписывавшим “сделать осмин, четвериков и гребла сколько потребно” и именовать эти меры новыми» (Шостьин, 1975. С. 70). В настоящее время переход на восьмичетвериковую (восьмипудовую) четверть в 1679 г. считается общепризнанным фактом (Колесников, 1979. С. 9; Тимошенкова, 1999. С. 224–225; Козлов, Дмитриева, 2001. С. 95; Цивинский, 2013. С. 165; Леонтьева, Шорин, Кобрин, 2015. С. 271 и др.).

Берем на себя смелость утверждать, что устоявшееся мнение о введении восьмичетвериковой четверти в 1679 г. требует решительно-го пересмотра: она возникла не в 1679 г., как это сейчас общепризнано, а в начале XVII в. На этот счет есть ясное свидетельство современника: во время голода 1601–1603 г., когда четверть ржи покупали по 3 руб. и выше; «и от того времени начаша на Москве и во всех городех русских всякое жито четвериками покупати, а четверик имянется осмая доля четверти, а четвертая доля осмины, теми же четвериками торговати и меряти навыкоша» (Изборник. С. 219). Аналогичные записи находим в Вологодской летописи конца XVII в. (ПСРЛ, 1982. С. 174) и в Мазуринском летописце (ПСРЛ, 1968. С. 148). Таким образом, восьмичетвериковая четверть утвердилась не в 1679 г., а гораздо ранее – в начале XVII в.

«Торговая книга» 1575–1610 гг. столь же недвусмысленно зафиксировала существование в начале XVII столетия восьмичетвериковой четверти: «Коли меряют хлеб, ино меряти оковами и четвертями. <...> В четверти 2 осмины или 8 мер; <...> а четвериков или мер в осмине 4 четверика» (Сахаров, 1851. С. 115). Эти два свидетельства хорошо известны в исследовательской литературе; Е. И. Каменцева и Н. В. Устюгов цитируют их в своем учебном пособии по русской метрологии (Каменцева, Устюгов, 1975. С. 102), но они поразительным образом проигнорировали эти свидетельства по существу.

Путаница в исследовательской литературе по поводу размера четверти случилась по причине смешения двух типов четвертей: восьмичетвериковой таможенной, которая использовалась одновременно как примочная, и шестичетвериковой раздаточной, которой в XVII в. уже не мерили хлеб при купле-продаже, а только выдавали жалование.

Такой взгляд на меры сыпучих тел XVII в. надежно подтверждают делопроизводственные документы на протяжении всего столетия. В работе Н. И. Миклашевского приведены многочисленные факты (не учтенные в работах по метрологии) о том, что в первой половине столетия восьмичетвериковая казенная четверть «с верхи» была торговой таможенной мерой, ее же использовали и как примочную казенную меру. В 1620 г. цена ржи на торгу в Брянске составляла «в 8 четвериков четверть» – 80 коп., четверик – 10 коп. Такую же восьмичетвериковую четверть использовали и в других городах. В 1629 г. в Ельце хлеб мерили и принимали «в государеву в казенную в примочную меру четверть 8 четвериков с верхи». В 1643 г. в Усерде возникла путаница при учете хлеба в государевы житницы. Объясняя расхождение в цифрах, целовальники заявили, что из гумна принимали хлеб в большую примочную меру «в осыпь с прибылью», а в житницах его учли «в меньшую отдаточную меру под гребло; и потому прибыль учинилась» (Миклашевский, 1894. С. 226, 229, 267, 271, 273, 280, 282–283).

Подобная практика существовала и в других городах. В 1633/34 г. в таможеню Великого Новгорода был прислан мерный образец «против московские таможенные орленые медные меры в 6 четвериков четверть». Эта мера использовалась в Новгороде не в качестве торговой, а при выдаче стрельцам жалования «под гребло» вплоть до начала русско-польской войны 1654–1667 гг. Новгородские стрельцы пожаловались, что, когда они ушли на войну, «тот медной котел за орлом переменен», и стрелецкие семьи стали получать хлебное жалование в половинном размере: «за четь 3 четверика и то не сполна» – «в малой дворцовой котел неорленой без его, великого государя, указу». По окончании войны уменьшенная норма выдачи сохранилась и вызвала челобитную новгородских стрельцов 1672 г., после которой прежняя шестичетвериковая четверть при выдаче стрелецкого жалования была восстановлена (ДАИ, 1857. С. 209–211). В данном случае важно иметь в виду, что присланная из Москвы четверть использовалась как раздаточная.

Бытование в Новгороде трехчетвериковой раздаточной четверти в 1654–1672 гг. находит подтверждение в расходной книге новгородского подворья Иверского монастыря. Иверский стряпчий Петр Марков под 11 сентября 1668 г. сделал запись: «Взял из государевых житниц на Корочкой монастырь ржи десять четвертей, ячмени дватцать четвертей в оддаточную меру, а в навгородцкую таможенную меру всего было ржи три четверти шесть четвериков, ячмени семь четвертей с осминою» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 43. Л. 22). Указанное соотношение возможно только при трехчетвериковой раздаточной и восьмичет-

вериковой таможенной четвертях ($10 \times 3 = 3 \times 8 + 6$ четвериков ржи и $20 \times 3 = 7 \times 8 + 4$ четвериков ячменя).

Еще одна раздаточная мера использовалась в Новгороде при выдаче ружного хлеба. В 1670/1671 г. дворцовые крестьяне Новгородского уезда подали челобитную на злоупотребления дворцового воеводы П. Я. Пятого. Крестьяне сообщили, что за два предыдущих года воевода получил государева жалования 400 руб. «да хлеба восьмьсот четвертей в примочную меру с верхи, а в отдаточную, государь, ружную меру того хлеба будет вдвое (меньше. – П. С.) (РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1135. Л. 126). Поскольку «отдаточная ружная мера» составляла половину примочной «с верхи», то она равнялась четырем четверикам.

В Москве восьмичетвериковая четверть использовалась задолго до 1679 г. В памяти из приказа Большого дворца 16 марта 1665 г. было велено выдать епископу Вятскому и Великопермскому Александру государева жалования ржаной и пшеничной муки, солода и меда «в московскую в таможенную в торговую меру в восемь четвериков» (ДАИ, 1857. С. 76–77). Наряду с московской таможенной мерой упоминается и еще одна, по-видимому, также восьмичетвериковая. В 1670 г. тот же епископ Александр распорядился выдавать на Вятке своим священникам и причетникам хлебное жалование «в московскую болотную меру с верхи» (ДАИ, 1857. С. 81) (по-видимому, болотная, то есть используемая в столице при оптовой хлебной торговле на Болоте, московская мера отличалась тем, что насыпалась «с верхом»).

В августе 1673 г. при сборе стрелецкого хлеба было строго указано собирать его «в примочную орленую меру в восемь четвериков»; и категорически запрещалось хлебным целовальникам «хлеб собирать по-прежнему в свои меры, а не в зоорленую» (ДАИ, 1857. С. 306, 308). Царская грамота 15 сентября 1678 г. предписывала собирать стрелецкий хлеб «в примочную орленую меру в восемь четвериков» (ДАИ, 1862. С. 104).

Единственный факт существования в Новгороде шестичетвериковой четверти приведен в книге З. А. Тимошенковой: «Так в 1682 г. с Черенчицкого пог. Старорусского у. было отсыпано ржи “полуосминных 83 меры, а четвериков 126, а четей 20 и 6 четвериков”. В данном случае, – заключает З. А. Тимошенкова, – имеется ввиду 6-четвериковая четверть, а мера равна 1,5 четверикам» (Тимошенкова, 1999. С. 228). Однако в данном случае имеем дело с неточным и неполным цитированием документа: буква ξ под титлом (60) прочтена как «к» (20). В подлиннике текст следующий: «Черенчицкого погосту прислан государев стрелецкой хлеб с целовальником с Мокейком Афанасьевым с крестьянских и з бобыльских 95 дворов з двора ржи по 2 четверика, овса тож, итого будет 190 четвериков, овса тож, а чети 23 чети 6 четвериков, овса тож. В государевы житницы отсыпал ржи полуосминных 83 меры, а чети четвериками: 166 четвериков, а чети 20 чети 6 четвериков, донять 3 чети. Овса 45 мер тройных с четвериком, а четвериками 136 четвериков,

а чети 17 чети» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3095. Ст. 6). В данном тексте трижды имеется в виду восьмичетвериковая четверть: 1) 190 четвериков составляют 23 четверти и 6 четвериков; 2) 160 четвериков составляют 20 четвертей и 6 четвериков; 3) 136 четвериков равняются 17 четвертям. Такое же соотношение (в четверти 8 четвериков) используется в данном документе применительно к десяти другим погостам Старорусского уезда (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3095. Ст. 5–9). Таким образом, в данном документе многократно использован один и тот же размер четверти – 8 четвериков.

Существование восьмичетвериковой таможенной четверти на протяжении всего XVII в. не означает, что ее размер оставался строго одинаковым. Время от времени власти рассылали новые образцы мер. Однако это происходило не потому, что сколько-нибудь существенно менялся их указной объем, а для борьбы со злоупотреблениями, когда на местах меры подделывали в корыстных целях. Рассылка новых мер в 1679 г. была не кардинальным изменением их объема с шести на восьмичетвериковую четверть, а очередным контрольным уточнением и борьбой со злоупотреблениями.

Таким образом, на протяжении XVII в. существовали две четверти: восьмичетвериковая казенная таможенная (она же и приимочная) и шестичетвериковая раздаточная, которая в исключительных случаях могла быть урезана и до трехчетвериковой. Выяснение этого принципиального вопроса позволяет более точно установить хлебные цены и соотносить их в случаях, когда цена указана в четвертях или четвериках.

Наряду с общерусской четвертью на местах использовали свои меры, которые отличались от казенных («московских»). Система мер XVII в. была типично средневековой, то есть была привязана к местным обычаям и традициям. Общегосударственные единицы измерения («московская мера») существовали параллельно с местными, не отменяя, а дополняя их.

В Валдайском Иверском монастыре использовались разные меры. В 1665 г. крестьяне села Рахина, а также Петровской и Ловоцкой половин Старорусского уезда подали сказки о том, что платят хлеб в монастырские житницы «в старорусскую в таможенную меру», а крестьяне села Яжелбиц – «в монастырскую приемную меру» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 983. Ст. 4, 5, 7). В декабре 1666 г. житенный старец Савватий принял оброчный и солдатский хлеб с Коломенского, Черенчицкого, Петровского, Рамышевского, Воскресенского и Должинского погостов Старорусского уезда «в старорусскую таможенную меру», а с Петровского погоста того же уезда – «в монастырскую приемную меру» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1123. Ст. 13–18, 22, 23). В январе – феврале 1667 г. из монастырского села Медно отсыпной хлеб был собран в московскую меру, а из сел Кунганово, Станишино и Васильевское в какие-то другие меры, образцы которых («припуск») были посланы вместе с хлебным

обозом: одна осмина для ржи, а другая для овса (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1172. Ст. 11, 12, 21, 23).

В приходо-расходной житенной книге 1670 г. находим «монастырскую приемную меру» и «оддаточную малую меру против приемной меры вполы»; иногда приход и расход хлеба в той же книге записывали «в московскую меру». Книга начинается с итоговых данных о хлебе в монастырских закромах при смене житничного старца: посчитанные четверти ржи, овса, ячменя, пшеницы, ярицы, гречи, гороха, конопля и льняного семени указаны «в монастырскую приемную меру»; затем следуют итоговые цифры о запасах овсяных, ячных и гречневых круп и толокна, но уже «в московскую меру». Приход и расход указанных товаров велся то в раздаточную, то в приемную меру, а иногда и в «московскую» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 81. Л. 1–2 об., 5–5 об., 7, 8, 44 об., 45, 47). В приходо-расходной книге «стрелецкого хлеба» 1670/1671 г. учет велся только в двух величинах: «в приемную» и «в монастырскую в одаточную меру, что против приемной меры вполы» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 810а. Л. 1, 13, 14 об.).

Наиболее наглядно сосуществование различных мер в Иверском монастыре дает «перечневая роспись» житенного старца Иезекииля 1671 г. Учет хлебных запасов велся им следующим образом: «...принято всякого хлеба в монастырские житницы в монастырскую приемную меру, а круп всяких и толокна в московскую меру, и что того хлеба в росходе на монастырской всякой обиход и на семена в монастырскую одаточную малую меру, что против приемной меры вполы, а круп всяких и толокна в московскую меру» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 1832. Ст. 1).

Используя разные меры, участники торговли предпочитали не переводить одни местные меры в другие, а возить с собой привычные для них и проверенные образцы. В этом отношении показателен случай покупки хлеба в иверском селе Щучьем в марте 1688 г. По указу архимандрита следовало закупить там хлеб и отвезти его в деревню Локотец, но по его же распоряжению покупка была отложена до тех пор, пока из Новгорода не привезут точную копию той самой меры, которую стряпчий новгородского подворья уже использовал ранее: «в которую меру вышеписанной хлеб у того дворянина в Понедельском монастыре принять, и с той меры послали-де вы к нам мер деревянной с служебником Ивашком, а Ивашка того примеру с собою у вас не взял, потому что ему было не дан» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3727. Ст. 27 об.).

В городах Новгородской земли использовали разные единицы измерения. Свой четверик был в Новгороде, Старой Руссе, Великих Луках, Тихвине, Олонце и других городах. Проблемы использования разных мер возникли в марте 1665 г. при поставке хлеба из Новгорода в Полоцк, Великие Луки и Невль «ратным людем на жалованье». Для уяснения практики использования разных мер разберем этот случай подробно. Всего следовало поставить 3000 четвертей ржи и ячменя «в московскую

таможенную меру, в восемь четвериков четверть, с верхи». С новгородского владыки в тот платеж полагалось 297 четвертей. В отписке новгородского митрополита утверждалось, что первая партия хлеба с митрополичьих вотчин, посланная с владычным сыном боярским Т. Жегловым, составляла 40 четвертей ржи и 8 четвертей жита «в московскую таможенную меру». Вместе с хлебом из Новгорода была послана «с московские таможенные меры... припускная орлная мера, в которую меру тот хлеб на Луках Великих... отдать». Однако, по утверждению новгородского владыки, великолукский воевода князь Иван Бярятинский «принимал тот хлеб в луцкую в таможенную меру, а та луцкая таможенная мера... московской таможенной меры больше». В результате «учинилась у того хлеба недомеру»: 9 четвертей с осьминою ржи и 2 четверти без четверика жита (Архив СПбИИ РАН. Ф. 171. Переплет III. Д. 131. Ст. 1). Исходя из величины недобора можно определить, что «московская таможенная мера» у Т. Жеглова оказалась меньше «московской таможенной меры» в Великих Луках в 1,3 раза.

При поставке новгородским митрополитом следующей партии хлеба (40 четвертей ржи, 8 четвертей ячменя) опять образовался недочет, хотя обе стороны утверждали, что используют не местные, а «московскую» меру. Приставленные к хлебному приему луцкие посадские люди выдали отпись о приеме того хлеба «в московскую таможенную меру, которая на Луках Великих московска таможенная мера в таможенной избе, восемь четвериков четверть с верхи», но по их счету хлеба получилось меньше: 30 четвертей ржи и 6 четвертей с четвериком ячменя, то есть опять меньше в 1,3 раза. Луцкий воевода также подтвердил, что хлеб принимали «в московскую таможенную меру»; «а которую меру привез с собою Тимофей Жеглов из Великого Новагорода, и та мера з государевою московскою таможенною мерою на Луках Великих не сошлась, новгородская меньшеи московской таможенной меры» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 171. Переплет III. Д. 134. Ст. 1). Это утверждение воеводы не следует понимать буквально. В действительности, «новгородская мера» была больше «московской» в 1,6 раза. Кн. И. А. Бярятинский имел в виду, что привезенная Т. Жегловым мера, которую воевода считал «новгородской», была меньше той, которая считалась «московской» в Великих Луках.

В мае 1665 г. Тимофей Жеглов дал в софийском Казенном приказе объяснения по поводу разницы используемых мер. Он утверждал, что «московскую таможенную печатную меру» ему выдали в Новгороде по приказу воеводы князя В. Г. Ромодановского. Хлеб он вез не из самого Новгорода, а купил в имевшуюся у него меру в Великих Луках, но в житницы у него принимали не в «московскую», а «в луцкую таможенную меру», отчего и образовался недочет (Архив СПбИИ РАН. Ф. 171. Переплет III. Д. 135. Ст. 1–2). Из дела не ясно, действительно ли «московские таможенные меры» в Новгороде и Великих Луках различались столь значительно или кто-то сплутывал при отправке или приеме хлеба.

Но очевидно другое: унификация мер во второй половине XVII в. еще не стала повседневной практикой, и желающие покорытоваться на этом были заинтересованы в том, чтобы местные меры продолжали существовать.

Любопытно, что пострадавший на разнице мер Т. Жеглов тщательно фиксировал в своих расходных записях («что купил на Луки едучи»), в какую меру он покупал хлеб по дороге из Новгорода. На реке Ловать он купил рожь у дворянина Ивана Роздеришина «в ево Иванову меру, четверик по 9 алтын», то есть по 27 коп. Столь высокая цена (раз в пять больше обычной) объясняется дороговизной после официальной отмены медных денег. Затем Т. Жеглов купил у местных крестьян 5 четвертей с четвериком ржи по той же цене 27 коп., сделав приписку: «а в луцкую торговую меру тово хлеба пришло десять четвертей с полуосминою» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 171. Переплет III. Д. 132. Ст. 1). Получается, что Т. Жеглов вез собой полученную от новгородского воеводы «московскую таможенную меру», которая была без малого в два раза меньше «луцкой торговой меры».

В том же году в новгородском софийском доме произвели расчеты, стоит ли везти хлеб из Новгорода в Великие Луки или же его выгоднее купить у места приема. Из Новгорода отправляли по 25 четвертей без полуосмины ржи и жита, всего 49 четвертей с осминою «в московскую меру». «А в Великом Новгороде в таможенную меру того хлеба будет ржи 15 чети с полуосминою и четвериком, жита тож». Исходя из этого соотношения «новгородская таможенная мера» была в 1,6 раза больше «московской». Далее приведено сравнение цен на хлеб: «А в Великом Новгороде покупают ржи четверик по 8 алтын по 2 денги», то есть по 25 коп.; «а на Луках Великих покупают хлеб в московскую меру по скаске лучан ржи четверик по 10 алтын», то есть по 30 коп. С учетом стоимости доставки хлеба оказалось выгоднее купить его в Великих Луках (Архив СПбИИ РАН. Ф. 171. Переплет III. Д. 132. Ст. 2–3, 5). Рассмотренные документы показывают, сколь сложным был учет объема хлеба при использовании разных мер сыпучих тел.

Еще одно свидетельство о соотношении новгородской и московской таможенных мер находим в отписке из Москвы стряпчего новгородского митрополита Андрея Сназина от 11 августа 1671 г. Стряпчий отчитывался о выполнении приказа своего владыки – получить от боярина князя И. П. Пронского 50 четвертей муки и продать этот хлеб в столице. Внизу отписки другим почерком приведено следующее соотношение московской и новгородской мер:

«московская четь – новгородская 5 четвериков;
московская 50 чети – новгородская 31 четь;
московская 80 чети – новгородская 50 чети» (ОПИ ГИМ. Ф. 226. Д. 20. Л. 70).

В этих случаях указано одно и то же соотношение: 1,6 (во втором случае 1,613), что соответствует рассмотренным выше данным при отпавке хлеба из Новгорода в Великие Луки в 1665 г.

Обращаясь собственно к хлебным ценам, следует заметить, что они зависели от многочисленных обстоятельств, порождавших колебания стоимости товара иногда в два-три раза на протяжении одного года. Цены были весьма чувствительны к соотношению спроса и предложения на «хлебной горке», где в Новгороде торговали зерном и мукой. Избыток или недостаток хлеба были следствием подвоза в город зерна и муки крестьянами на плотах, по обычаю, в определенное время года; поставок хлеба в государевы житницы или, наоборот, денежных платежей к определенному времени, а значит и массовой распродажи хлеба налогоплательщиками для получения наличности. Свою роль играли и махинации подрядчиков и чиновников, которые искусно пользовались трудностями подвластного населения при поставках больших объемов хлеба и устанавливали свои правила его приема, подменяли меры сыпучих тел, навязывали населению невыгодные правила приема и выдачи хлеба. В народной памяти остались воспоминания о выгнутом «плутовском гребле», которым сгребали зерно с казенной меры так, что оно «одним боком дает меру верхом, а другим лункой» (Даль, 2000. С. 393).

Суть представленного здесь подхода к изучению хлебных цен состоит в том, что они были частью жизненных обстоятельств во всем их многообразии. Механический сбор сведений о ценах без учета того, какие меры были использованы и в какой ситуации была совершена купля-продажа, ведут к существенным искажениям реальной картины. После детального анализа конкретных условий торговли хлебом и его поставок в казну в Новгороде второй половины XVII в. будет подведен итог динамики хлебных цен.

Хлебная торговля в Новгороде велась на Торговой стороне в двух расположенных рядом местах: на Хлебной горке и в лавках хлебного ряда. Хлебная горка находилась за алтарем церкви Дмитрия на Торгу и простиралась до улицы Малой Лубянки. За алтарем соседней Георгиевской церкви располагались лавки хлебников и пирожников (Семенов, 1936. С. 35; Семенов, 1962. С. 147). В Лавочной книге 1583 г. есть упоминание о Хлебной горке: «Горка хлебная, торгуют всяким хлебом посадские люди и всякие приезжие люди изо всех городов». Здесь же стояла таможенная изба, где собирали торговые пошлины «с хлебу откупщики» (Лавочные книги, 1930. С. 99).

Хлебные горки как место продажи хлеба были типичным явлением торговли в русских городах XVII в. Их находим на Тихвине (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 31. Л. 39–40) и в Старой Руссе, где также пребывал таможенный голова (РИБ, 1878. Стб. 368; Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 706. Ст. 34). Широко распространено мнение о том, что Хлебная горка в Запсковье была местом хлебного торга. Впрочем, по мнению В. В. Котова, с этим трудно согласиться, поскольку торговля основным продуктом питания не могла быть за пределами города и городского торга. Исследователь связывает этот топоним с хлебными нивами (Котов, 2007. С. 6).

Хлеб в Новгороде и уездах Новгородской земли накануне русско-польской войны и введения медных денег был дешев. В ноябре 1653 г. патриарх Никон, уже зная о готовящемся присоединении Украины, горячим сторонником которого он был, велел патриаршему Валдайскому Иверскому монастырю запастись впрок хлебом и закупить ржи в Боровичах или Торжке «по нынешнему зимнему пути» по желательной цене в 30–40 коп. за четверть «с провозом» (с доставкой в монастырь) (РИБ, 1878. Стб. 50), то есть четверик «с провозом» должен был стоить не более 5 коп.

Чума 1654 г. поначалу не затронула новгородские земли, поэтому уехавший из Москвы царевич Алексей Алексеевич готовился переждать эпидемию в Новгороде. В октябре новгородский воевода получил указ заготовить продовольствие к прибытию царевича: купить в Новгороде или «для поспешения» взять у новгородского митрополита и в местных монастырях ржаной и пшеничной муки, сухарей, круп, толокна, овса и прочих столовых и конских запасов (ДАИ, 1848. С. 480). В данном случае видим типичную для Московского государства XVII в. практику, когда хлеб было проще взять из запасов, чем купить его на рынке. Однако выполнить поставленную задачу оказалось непросто. Летом 1655 г. новгородский воевода сообщил в отписке на имя царевича Алексея Алексеевича, который формально возглавлял московское правительство в отсутствии царя: «А запасного никакого хлеба в Великом Новгороде в государевых житницах и соли ничего нет» (АМГ, 1894. С. 472).

С началом войны и введения медных денег цены на хлеб поползли вверх. Были и другие причины хлебной «дороговли». Монастырские документы позволяют рассмотреть неформальные аспекты торговли хлебом в Новгороде, которые до сих пор находились вне поля зрения исследователей.

Хлебные поставки были лакомым куском для падких на наживу приказных. В июне 1656 г. новгородский подьячий Иван Козырев попался на махинациях при приеме хлеба в государевы житницы. На его дворе, на Михайловой улице Торговой стороны (по соседству с иверским подворьем), оказался хлеб, о котором иверские власти доложили новгородскому воеводе боярину князю И. А. Хованскому. Воевода «сказал, что тот хлеб государев: когда-де тот Иван был у государевых житниц, и он тот хлеб крал и возил на подворье. И хлеба того князь Иван Андреевич отдавать ему, Ивану, не велел, отдал нам, государем на монастырь. И говорил князь Иван Андреевич (монастырским. – П. С.) намеснику и казначею: будет вы на монастырь того хлеба не возьмете, и я велю взять на государя» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 183. Ст. 21). Воровство приказных увеличивало нехватку хлеба в государевых житницах.

В 1656–1657 гг. новгородские земли постигли неурожай. Иверский архимандрит Дионисий писал патриарху Никону в 1657 г., что «прошлого году у крестьян хлеба был недород большой. А инде водою пото-

пило, а у иных, которые подле дорог живут, и у тех служивые люди много пограбили». Архимандрит сообщил в том же письме и цены на хлеб: в Боровичах новгородская четверть ржи стоила 1 руб., а та же мера овса – полтину (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 244. Ст. 15–16. Опубликовано: РИБ, 1878. Ст. 253). Следовательно, четверик ржи в Боровичах в том году стоил 12½ коп., то есть в полтора раза дороже обычной цены. По утверждению пашенных солдат Олонецкого уезда, в 1656–1657 гг. с них собрали в казну по 4 четверти ржи с каждой выти; этот хлеб они «купили с правезу в городе на Олонце у посадских людей четверть по сороку алтын с полугривной» (ДАИ, 1851. С. 395), то есть по 15,625 коп. за четверик, по-видимому, в местную «олонецкую меру».

В 1658 г. ситуация с хлебом ухудшилась. В августе того года патриарх Никон беседовал в Воскресенском монастыре с иверскими наместником Евмением и казначеем Евмением, «и говорил нам, что наиболее б-де ныне у вас припасали всякой хлеб, рожь и овес, и ячмень, для всякого опасения с лишком как мочно. И вам, государь, – писали своему настоятелю наместник и казначей, – приказать ныне по отчинам около монастыря заказать крестьяном, чтоб оне отнюдь никакова хлеба на сторону не продавали: у кого будет с лишком, что в монастырь привозили за денги» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 361. Ст. 5). Совет Никона проистекал из обычной практики средневековой торговли, когда недостаток товара на рынке вынуждал запасать его впрок, увеличивая тем самым и без того ощутимый дефицит.

В ноябре 1658 г. посельский старец Паисий отчитывался перед архимандритом о трудностях при закупках вздорожавшего хлеба у соседних вотчинников. Его послание писано западнорусским письмом: «... здесь хлеб поценен, и ржи незродило, намале, сказуют, ес у водной боярини, сказуют с полтораста асмин; а просит по полтора рубля, а давана по сороку алтын, ни помыслить по той цене отдать. Пшеницу по два рубли щетвертю асмину покупали, овес по дватцати алтын купит, а другое еще не молочено, где сено, там и зложено аж до зымы» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 396. Ст. 1). Рассказ Паисия о несостоявшейся сделке весьма показателен для торговли того времени. «Боярыня» просила за четверть ржи полтора рубля, а покупатель был готов заплатить только 1 руб. 20 коп., и сделка не состоялась по причине отсутствия конкуренции на рынке. Судя по запросу сторон цена четверти ржи по сравнению с прошлым годом подросла и колебалась в пределах от 40 алтын (15 копеек за четверик) до 1 руб. 50 коп. (19–20 коп. за четверик).

Во время проведения денежной реформы хлебные цены часто указывали в медных деньгах, которые год от года обесценивались. В 1658/1659 г. иверские власти посчитали хлеб, розданный крестьянам старорусской вотчины по следующей цене: рожь по 4 руб., овес по 1 руб. 60 коп., ячмень по 2 руб. за четверть. В 1660/1661 г. такие же

хлебные запасы были оценены монастырем вдвое дороже: рожь по 8 руб., овес по 2 руб. 50 коп., ячмень по 3 руб. 20 коп. (РИБ, 1878. Стб. 358–359).

В марте 1659 г. иверский стряпчий в Новгороде Венедикт Самсонов продал рожь, о чем доложил монастырским властям так: «за четверть имал по восьми алтын по 3 денги, а горошной четверик довелся по три алтына без денги, а на рожь купцов никого не сыскал, всякой дешевит» (Архив СПбИИ. Ф. 181. Оп. 1. Д. 424. Сст. 30). Объясняя невысокую цену продажи монастырского хлеба в Новгороде, стряпчий пояснил, что не нашел желающих купить хлеб в то время года (до обычного подвоза его в Новгород из сельской округи на плотах в апреле).

Весна 1659 г. выдалась на редкость дождливой. В фонде Валдайского Иверского монастыря сохранилось дело о досмотре последствий весеннего половодья 1659 г. в Старорусских погостах и уменьшения в связи с этим крестьянских повинностей. В деле находим детальные описания того, как половодье подняло уровень воды в реках и озере Ильмень, отчего поля вдоль рек и по низким местам на берегу Ильменя затопило: вода стояла на полях с апреля по июнь. Бурное течение рек сносило прибрежные бани, дворы, житницы, заготовленный вдоль берега лес. Весенний лед и бревна настолько пропахали во многих местах поля, что они не годились под пашню. Вода вымыла семена и нанесла много песка. Часть крестьян не стали сеять хлеб даже по сухим местам из-за непрекращающихся дождей. Только на высоких местах брошенные в землю семена не смыло водой, но и там «рожь против инех годов не уродилась»: по большей части крестьяне не надеялись собрать даже то, что посеяли. Во многих деревнях полая вода затопила житницы с хлебом, который у части крестьян сильно подмок, а у некоторых и полностью погиб (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 486. Сст. 1–59).

Рост цен в 1661 г. имел дополнительную конкретную причину: в Олонецком, Тихвинском уездах и в Новгороде появились поддельные медные копейки. В отписке олонецкого торгового человека Макара Загорского 27 ноября 1661 г. вздорожание цен объяснялось не столько введением медных денег, сколько их подделкой: «не от казенных медных денег хлеб и товары подорожали, от воровских поддельных медных денег хлеб и всякие товары учали дороги быть». М. Загорский утверждал, что поначалу медные деньги ходили одинаково («ровно») с серебряными или с небольшой наддачей: «на рубль за серебряных медных больши алтына не наддавали», а «ныне» на Олонце серебряник Юрий Михайлов менял «за рубль серебряных денег по 3 рубли медных денег и больши, потому что умножело воровских поддельных медных денег, и хлеб и всякие товары подорожали».

Царская грамота в Новгород 19 марта 1662 г. содержит сведения о том, как с помощью хлебных запасов власть собиралась выйти из кризиса и регулировать цену на рынке. Воевода боярин князь Б. А. Репнин договорился с митрополитом, властями местных монастырей, а также с

дворянами и посадскими людьми «о продажном хлебе и о подобной цене». Для этого воевода обратился ко всем, кто имел запасы хлеба, с требованием продавать его по низкой цене. Царская грамота предписывала раздавать хлебное жалование из государевых житниц, а также продавать по цене, которую воевода сам сочтет возможной: «А новгородским жителям всяких чинов бедным и скудным людям, которым в Новгороде и в уезде за скудостью и за дорогою ценою хлеба купить не в мочь, велел из привозного-ж псковского хлеба продавать по указной цене по своему ж рассмотренью»; тем же у кого совсем не было денег, царь разрешил давать хлеб в долг, чтобы «от хлебных дороговли голодом не умереть» (АМГ, 1901. С. 482–483).

В июне 1662 г. ситуация еще более ухудшилась. Воевода кн. Б. А. Репнин доносил в столицу, что «хлеб в Великом Новгороде купят четверть ржи по 52 рубли и больше, овса четверть по тринадцати рублей и больше, соли пуд по 6 рублей, а харчу некоторыми мерами и купит не добудут». По настоятельному требованию служилых иноземцев, «видя их скудость и великую нужду», воевода выдал им немного хлеба, а русским служилым людям раздавать хлеб не решился, «потому что в Великом Новгороде хлебных запасов намале». По царскому указу в том же месяце служилые люди Новгородского разряда должны были выступить в поход, но явилось всего 17 новгородских дворян, а из новгородских пригородов вообще никто не приехал. И это несмотря на угрозу конфискации поместий и вотчин (АМГ, 1901. С. 491). В начале июня 1662 г. в Новгород пришла царская грамота о том, чтобы хлеб «вновь збирать з двора по дви четверти с третином» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 7. Д. 40. Ст. 1).

Однако этого оказалось недостаточно, и 6 ноября 1662 г. в Новгороде была получена другая царская грамота о взимании «ратным людям на жалованье» с митрополичьих и монастырских вотчин Новгородского уезда (если урожай был «горазд» или «средней») четвертой доли всего молоченного и немолоченного хлеба, для чего уже на следующий день по монастырям были посланы целовальники, которые должны были описать весь хлеб в житницах и на полях (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 7. Д. 105. Ст. 1–2).

О дефиците хлеба в Новгороде в конце 1662 г. свидетельствует расходная роспись слуги Успенского Тихвинского монастыря, который одаривал приказных за составление бумаг не только деньгами, калачами и рыбой, как это было принято, но и рожью, овсом, солодом и мукой, по четверику или по осьмине за выправленный подьячим документ; «всем давано в новгородскую меру», – заключил свои записи о раздаче хлеба монастырский слуга (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 7. Д. 101. Ст. 1). Перед нами прямое указание на использование в повседневной практике новгородцев местной, а не московской меры.

Дороговизна хлеба способствовала манипуляциям с мерами сыпучих тел. В 1662 г. иверский стряпчий в Новгороде Семен Урюпин жало-

вался, что прежнему стряпчему В. Самсонову выдавали жалование 12 четвертей хлеба ржи и овса в год «в новгородскую меру», а ему монастырские власти понизили жалование, выдавая то же количество, но в «московскую меру» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 697. Ст. 6), то есть в полтора раза меньше. В том же году на уменьшение хлебной меры в монастыре жаловались и монастырские стрельцы. В декабре наместник иверской обители доносил ушедшему с патриаршего престола Никону о недовольстве караульных стрельцов: «как с первых лет они призываны, и хлеб был дешевой»; с момента основания монастыря стрельцы получали по 3 руб. жалования, а ржи и овса по 12 четвертей ржи и овса, «толки мера была своя, нынешние гораздо менши» (РИБ, 1878. Стб. 420).

Только отмена медных денег создала условия для постепенного выхода из кризиса. В источниках находим разные даты, когда было объявлено о прекращении хождения медных денег в Новгороде. С. В. Зверев обнаружил данные о прекращении хождения медной монеты в Новгороде с 16 июля 1663 г. и обмене меди на серебро по курсу сто к одному; за две недели, до 1 августа, было обменено всего 6008 руб. медных денег (Зверев, 2018. С. 78). Столь ничтожная для Новгорода сумма (60 руб. 8 коп. в пересчете на серебряные деньги) заставляет задуматься о том, как население отнеслось к обмену.

Важные данные об отмене медных денег находим в расходных записях слуг Успенского Тихвинского монастыря. Они приехали в Новгород 4 июня 1663 г. и поначалу расплачивались только медными деньгами: последний раз расход на медные деньги зафиксирован 20 июля. Далее в расходной памяти сделана запись: «Всех денег по сей росписи в росходе пятьдесят один рубль семь алтын 2 денги медных, а достальные медные денги 48 рублей 23 алтына 2 денги отослал наперед сего в монастырь со фроловским дячком с Федором Ивановым июля в 7 день. В 21 день по государеву указу и по грамоте медными денгами торговать не велено, а велено торговать по-прежнему серебряными. Того же дни куплено на серебряные денги рыбы на 6 денег» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 7. Д. 183. Ст. 1). Таким образом, реальным рубежом, когда в Новгороде перешли на торговлю серебряными деньгами можно считать 21 июля 1663 г.

После отмены медных денег в 1663 г. возникла проблема, по какой цене собирать доимку серебряными деньгами на четверть ржи и овса. В ответ на запрос об этом новгородского воеводы боярина кн. И. Б. Репнина думный дяк Алмаз Иванов 15 июля 1664 г. сделал помету на выписке: брать за юфть хлеба (четверть ржи и четверть овса) за 1661/1662 г. по 3½ руб., за 1662/1663 г. по 2 руб. 35 коп. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 941. Ст. 1). Эти расценки носят обобщенный характер без учета колебаний цены в разное время года. Указанные данные отражают представления московских властей об уменьшении хлебных цен в Новгороде за два года после отмены медных денег почти

на треть. Исходя из обычного соотношения (овес вдвое дешевле ржи) можно высчитать в 1661/1662 г. среднюю стоимость четверика ржи в 28 коп., овса 14 коп.; в 1662/1663 г. – 20 и 10 коп. соответственно.

После отмены медных денег последствия дезорганизации денежной системы сказывались более года. В сентябре 1663 г. из Старой Руссы сообщали в монастырь, что полностью собрать денежный оброк с монастырской вотчины нет никакой возможности: «стала в мире скудость большая на серебряные денги, стало после медной денги вкруте, взять наскоре негде» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 780. Ст. 8).

На колебания цен в годы хождения медных денег (1654–1663 гг.) и некоторое время после их отмены сказывалась общая дороговизна не только товаров, но и всякой работы. В октябре 1663 г. иверский архимандрит Филофей писал в Новгород некоему Григорию Яковлевичу, которому монастырский «слисор» Тимофей Петров починил пистолеты. Архимандрит так объяснил заказчику высокую цену работы: «А он, Тимошка, гораздо скучает и плачет, что ныне хлеб и харч гаразно дорогой, а он человек бедной, тем и кормитца, что на ково работает». Филофей просил заплатить мастеру за работу 6 руб., пояснив, по-видимому, не без некоторого преувеличения: «А ведомо тебе и самому, что ныне всякая работа перед прошлым годом вдесятеро дороже» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 804. Ст. 1).

Высокая цена на хлеб держалась в Новгороде несколько лет. На сопредельных территориях Речи Посполитой, занятых русскими войсками, хлеб был тоже дорог. Из оккупированного Борисоглебова доносили, что в мае 1664 г. «купили у курлянских немец за Двиною ржи московский четверик по 13 алтын по 2 денги и в полтину» (АМГ, 1901. С. 570). В марте 1665 г. тихвинский старец купил там 5 четвертей ржи «за четверик всякой» по 25 коп. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 197. Л. 12).

В декабре 1664 г. тихвинский старец купил в Новгороде «овса четыре четверти, а дано за четверик по четыре алтына, а всех денег дано за овес 4 рубля без пяти алтын без дву денег» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 8. Д. 126. Ст. 3). Общая цена покупки, 3 руб. 84 коп., свидетельствует о том, что 4 четверти овса в данном случае составляли 32 четверика, то есть перед нами обычная восьми-четвериковая четверть.

Царская грамота 4 сентября 1665 г. предписывала собрать на жалование ратным людям в Новгороде и Новгородском уезде с каждого двора дворцовых и дворянских земель по четверику ржи и овса, а с митрополичьих и монастырских крестьян вдвое – «по полуосмине» «в приемочную медную меру». В октябре сборщики были разосланы по новгородским пятинам с повелением доставить хлеб в государевы житницы за неделю до Рождества Христова, «чтоб впредь в Великом Новгороде хлебом было запасно». Крестьяне должны были везти хлеб на своих подводах, а кто за дальностью расстояния предпочел бы запла-

тить деньгами, мог платить за четверик ржи по 40 коп. и за четверик овса – 15 коп. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 8. Д 204. Ст. 1–3).

Слухи о возможном рейде польских войск на псковские и новгородские земли заставляли людей припрятывать хлеб. В декабре 1665 г. новгородский воевода боярин князь В. Г. Ромодановский разослал по всем пятинам памяти с повелением, чтобы «всяких чинов люди всякие запасы везли в Новгород, а сами б жили в великом опасении» (РИБ, 1878. Стб. 555).

Перебои с хлебом в новгородской земле были обычным делом и после окончания войны. Первые признаки нехватки хлеба были заметны здесь уже в 1666 г. Весной 1667 г. крестьяне разных сел Валдайского Иверского монастыря просили дать им льготу, потому что в прошлом году «хлеб у нас яровое позяб весь без статку, а ржи, государи, сеяно было небольшое место, и то одва в землю к нынешнему году всеяли; <...> ржи и ярового хлеба у нас нет, и пить и есть самим нам ничево, скудны и бедны до конца» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1174. Ст. 24). В феврале 1668 г. со старорусского подворья писали в Иверский монастырь: «Да вы же, государи, писали и велели менять соль на хлеб, на рожь, и на овес, и на пшеницу, и на солод. И зде, государи, в Русу привозу хлеба намале, что и привезут какова хлеба, и то рушане посацкие люди и наши крестьяне купят, застоятца хлеба на житной горки не дадут» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1269. Ст. 4).

В августе 1668 г. стряпчий Петр Марков просил прислать из монастыря муки для дьяка Ивана Рубцова, который утверждал, что «оскудел-де ржаной мукою гораздо, а здесь, государи, муки нет» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1303. Ст. 35). По-видимому, сетования новгородского дьяка на отсутствие муки были не чем иным, как стремлением разжиться за счет челобитчиков, но утверждение иверского стряпчего об отсутствии в середине августа в таком крупном городе, как Новгород, ржаной муки выглядит правдоподобным. Иначе монастырские власти отказались бы верить в этот факт.

В декабре 1668 г. Иверский монастырь закупил в Новгороде стрелецкий хлеб, который, однако, в государевы житницы поставлен так и не был: 23 четверти ржи по 80 коп. за четверть и 10 четвертей овса по цене 48 коп. за четверть (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 43. Л. 37 об. –38), в пересчете на четверик рожь по 10 коп., овес – 8 коп.

В том же месяце иверские власти велели крестьянам их старорусской вотчины везти оброчный хлеб в монастырь, и по недостатку хлеба указали им: «И хлеб бы везли свой, а у нас не купили» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1269. Ст. 81 об.). Исполняя указ из монастыря, в Старой Руссе купили на пробу четверть пшеницы, четверик «в старорусскую меру» по 30 коп. и запросили, стоит ли впредь покупать по такой цене (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1269. Ст. 89).

Перебои с поставками продовольствия в Новгород были причиной, по которой строитель и стряпчий иверского подворья стали часто сообщать в монастырь сведения о ценах на хлеб как о какой-то свежей новости. В январе 1669 г. из Новгорода писали, что «ржи четверик купят по гривне, а овса по два алтына» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1442. Ст. 13). Источником этих данных, по-видимому, стал опыт наместника Евмения, который в том же месяце уплатил стрелецкий хлеб со всех вотчин Иверского монастыря. Об этом наместник писал строителю старорусского подворья Иоилю: «будучи мы, наместник, в Великом Новгороде платили в государеву казну стрелецкой хлеб за прошлой 176-й и за нынешний 177-й годы за все свои монастырские отчины за крестьян и за бобылей з двора по четверику ржи да по четверику овса в новгородскую меру, а цена тому хлебу рож четверик по гривне, а овса по 2 алтына». Цену уплаченному хлебу наместник сообщил для того, чтобы по этой цене собрать деньги с крестьян и бобылей старорусской вотчины (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1448. Ст. 15). В те же дни иверские власти раз узнали, что хлебные цены в их вотчине почти совпадают с новгородскими: 22 января 1669 г. крестьяне деревни Рахино были готовы продать в монастырскую житницу четверик ржи «в гривну и без копейки в 2 алтына, а овес в 2 алтына» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1457. Ст. 1).

В те же зимние месяцы 1669 г. архимандрит велел везти из Старой Руссы в монастырь отсыпной хлеб или взыскать его с крестьян старорусской вотчины по рыночной цене: «по нынешнему зимнему пути выслать к нам в Ыверский монастырь тотчас безо всякого мотчания или денгами за тот хлеб у тех целовальников взял за рожь за четверик старорусской по пяти алтын, за овес по гривне, за ячмень по четыре алтына» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1448. Ст. 50).

В январе следующего 1670 г. с новгородского подворья сообщили совершенно иную цену: «цена ржи четверик покупают по десяти алтын, а овса в гривну и болши» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1588. Ст. 1). Таким образом, в январе 1670 г. по сравнению с тем же месяцем предыдущего цена четверика ржи выросла втрое, а овса – почти вдвое.

Этот скачок цен был вызван несколькими причинами. Первой из них стал недород, охвативший многие уезды страны. В январе 1669 г. в старорусской вотчине Иверского монастыря был проведен сыск по челобитным крестьян 11 погостов, в ходе которого были уточнены размеры полной или частичной гибели урожая по отдельным деревням и погостам. Крестьяне жаловались на то, что у них «на полях рожь погнила и яровой всякой хлеб дождевою водою помило, и в том учинился у нас, сирот, хлебу великой недород». Проведенный в мае-июле сыск подтвердил катастрофические последствия затопления крестьянских участков: в некоторых местах урожай погиб наполовину, а в отдельных деревнях и полностью: полая вода продолжала прибывать еще и в мае и в

некоторых местах стояла на пашенных полях и до конца июля. В большинстве случаев, когда часть ржи все-таки удалось сохранить, она была плохого качества: «а которая от потопу осталась рожь, с костром и с метлою, гораздо плоха» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1444. Ст. 1–144.). Это важное обстоятельство следует иметь в виду при изучении хлебных цен: в данном случае нехватка хлеба поднимала цену, а его плохое качество, наоборот, опускало ее.

Половодье весны 1669 г. было столь значительным, что власти обеспокоились сохранностью мостов через реки. В марте того года по челобитью ямщиков дороги из Москвы в Новгород появился царский указ, чтобы местные крестьяне спасали мосты через разлившиеся реки – «от вешней воды и ото льду и от лесу оберегали неоплошно, чтоб тех мостов вешнею водою и льдом, и лесом не розбило» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1497. Ст. 1).

Вслед за половодьем весны-лета 1669 г. зимой 1669–1670 г. ударили страшные морозы. В Новгородском хронографе XVII в. об этом под 1669/1670 годом была сделана пространная запись: «Бысть в Руской земли зябель по местом, и в тое время бысть хлеб добре дорог: в Великом Новегороде купиша на торгу ржи четверик по десяти алтын, а четверть купиша по 2 рубли по 13 алтын по 2 деньги» (Тихомиров, 1979. С. 107).

Как видим, стоимость четверика ржи «на торгу» в 1670 г. по свидетельствам иверскогостряпчего и Новгородского хронографа в точности совпадают: 10 алтын (30 коп.). Обращает на себя внимание, что цена восьмичетвериковой четверти ржи составляла 2 руб. 50 коп., а не 2 руб. 40 коп., как следовало бы по расчету. Это несоответствие позволяет предположить, что цена четверти ржи в данном случае была не свободной рыночной, а установленной властями и включала наценку за торговлю более крупными партиями хлеба для предотвращения спекуляции. Если это так, то перед нами факт государственного регулирования хлебной торговли в условиях голода.

Подтверждение строгого регулирования цен во время голода находим в отписке старца Никольского монастыря (отписка Филарета не датирована и находится среди документов начала 1670-х годов; упоминание о «севогодных» пшенице и овсе позволяет предположить, что документ относится к осени, а указанные высокие цены сопоставимы с ценами 1670 г.): «...здесь в Великом Новегороде на хлебной горке цена хлебу дорогая, ржи четверик по шести алтын, а ячменя потому ж. А возом не продадут, купят по четверику и по полуосмины, а возом не дадут продать. А биричь кличит ежедней, чтобы возом не продавали. А пшеницы четверик купят в десять алтын и в четыре гривны, и то севогодной, а старой, писали мы, что и привезут, и то малой статьею. А овес купят севогодной и в семь копеек, и то зяблою, а старово овса или севогодново доброво, что и привезут малой статьею, и тово овса купят в де-

сять купеек и в три гривны» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 11. Д. 28. Ст. 1).

В Новгородском хронографе указаны цены того голодного года и на другие продовольственные товары: четверть ячменя стоила 2 руб., овса – 74 коп., пшеницы – 4 руб.; «и в тое время привозиша хлеб от немец из-за рубежа, а иние из Пскова, овии ис Москвы» (Тихомиров, 1979. С. 107). Это свидетельство указывает на то, что во Пскове и в Москве голод был менее суровым.

Повествование Новгородского хронографа о голоде 1670 г. завершается рассказом о регулировании хлебной дороговизны со стороны новгородского владыки: «А в тое время Питирим митрополит приказал из софейских житниц хлеб продавать четверть по рублю и по десяти алтын только служивым людям, а иных чинов людям не продавали» (Тихомиров, 1979. С. 107). Таким образом, рыночная цена четверика ржи доходила до 30 коп., а указная цена продажи из владычных житниц только для служилых людей была в два раза ниже (16,5 коп.) или по свидетельству старца Никольского монастыря – 18 коп. с обязательным ограничением объема покупки.

Данные свидетельства находят косвенное подтверждение в документах Иверского монастыря. В феврале 1670 г. наместник Иверского монастыря Евмений сообщил из Новгорода, что «в государевы житницы четверикового запросного хлеба беспрестани спрашивают, да за тем еще правежу не было, что подьячей лготит. А иных монастырей стряпчих всех на правеже держали, и хлеб заплачен без небольшого недобору». Значительные закупки хлеба на новгородской хлебной горке в связи необходимостью срочно пополнить государственные запасы были дополнительным фактором нехватки хлеба на новгородском рынке. Далее в своем послании наместник Евмений прибавил, что задобрил состоявшего «у хлебного приему» подьячего Семена Протопопова желанным для многих изданием иверской типографии «Брашно духовное» и «сроку в четвериковом хлебе просил, и он рад потерпеть. Да как здачу-де хлеба служилым людям в житницах не станет, и ево-де и самово батогги бьют, что дает лготы» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1588. Ст. 27–28). Как видим, злоупотребления приказных тоже могли влиять на нехватку хлеба.

В мае 1670 г. цена хлеба в Новгороде оставалась еще высокой. Монастырь должен был поставить в государевы житницы по четверику ржи и овса с каждого двора новгородских вотчин, всего более 300 четвертей. Старец иверского подворья Иоиль сообщал в монастырь, что присланных к нему 200 руб. не хватит на покупку хлеба, «потому что хлеб стал дорог, четверик купят ржи по полуполтине, да и того купить ныне местным делом не добыть». По просьбе Иоиля новгородский воевода стольник М. И. Морозов «дал сроку в платежю того хлеба до нови и на челобитной потписал. А в почесть ему поднесено за ево милость» – 9 аршин атласа. Сверх того знатный стольник попросил прислать ему из

монастыря «приспешника доброва постным ествам не на великое время поучить ево приспешников» и сделать ему шкаф («шофу»); духовнику М. И. Морозова иверский старец обещал «пояс сафьянной» и книгу «Брашно». Второму воеводе, стольнику князю И. М. Коркодинову, от того же дела поднесли икону с серебряным окладом на 3 руб. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1588. Ст. 81–82).

В июле 1670 г. иеромонах Досифей подробно описал ситуацию с поставками хлеба с иверской вотчины (1265 дворов). Он упомянул, что царская грамота о взимании «запросного четверикового хлеба, з двора по четверику ржи, по четверику овса в таможенную меру» пришла в Новгород еще при прежнем воеводе окольным князе Д. А. Долгоруком, и размер дополнительного налога был установлен, по-видимому, еще в Москве, «по совету» с новгородским митрополитом Питиримом; причем «с околородных монастырей тот хлеб взят несполна, а с митрополита и с нарочитых монастырей тот хлеб взят сполна». Далее иеромонах Досифей напоминал своим властям, что Иверский монастырь получил у воеводы отсрочку платежа «до нови», но теперь М. И. Морозов «с товырыщи» «велят нам тот хлеб платить тотчас безсрочно» на срок не позднее 1 августа, потому что местные служилые люди о хлебном жаловании «докучают безпрестанно, против их челобитья на околородных монастырей тот недоплатный хлеб правят, а на иных и доправлен». Поставки хлеба в государевы житницы удержали хлебные цены на высоком уровне: «...а хлеб ныне здесь ценою покупают в городской таможенной четверик ржи по две гривны». Воевода отказал архимандриту Успенского Тихвинского монастыря отсрочить платеж «до зимнего пути», поскольку всем новгородским служилым людям было сказано быть готовым на службу, и «после скаски служилые городовые люди воеводе с товарищи о хлебе бьют челом безпрестанно» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1588. Ст. 98–99).

Однако и на отложенный срок Иверский монастырь не поставил положенного хлеба. В конце августа 1670 г. иеромонах Досифей объяснил властям причины задержки так: ныне «продажного хлеба на горки нет, и от того хлеб здорожал, покупают четверик ржи по полуполтины». При этом новгородские воеводы «сроку не дают, потому что служилые люди о хлебном жалованье безпрестанно бьют челом. А Михайло Иванович (воевода М. И. Морозов. – П. С.) ныне словом дает сроку до Семена дни. А на другой день, как ему смутят, и стряпчево в приказе держит, да и выпустит, Бог знает, как у него о том сроку упросит». Выход из положения Досифей видел в закупке хлеба в другом месте: «Да ныне сказывают, государи, что в Старой Русе рожь подешевела для збору полтинных денег. И я, государи, купить ржи поеду наскоре в Русу, а здесь дорого». Иверский старец упросил воеводу еще раз отсрочить платеж, доставив ему обещанный подарок: «А шофу Михайли Ивановичю поднесли, принял, а “Спаси Бог” ленно сказал; не знаем, что за обычай дикой, сам не владеет, и людям владеть не дает» (Архив СПбИИ РАН.

Ф. 181. Оп. 1. Д. 1588. Ст. 113). Неудивительно, что воевода хотел получить эту редкую вещь: насельники монастыря привезли с собой из Речи Посполитой навыки изготовления легкой и красивой мебели, но одновременно М. И. Морозов ясно выразил свое отношение к тому, что хлеб опять не был поставлен в срок. Как и в других случаях, отсрочки платежа, «лакомство» чиновников влияли на спрос и предложение на новгородском рынке.

Сведения монастырских отписок об ухищрениях для отсрочки поставок хлеба дополняются записями в расходных книгах. В сентябре 1670 г. строитель новгородского иверского подворья Досифей записал траты на изготовление воеводе М. И. Морозову «мантии» с шелковыми шнурками и серебряными крючками. Досифей также купил говядины и баранины на 38 коп. и поднес их «в почесть митрополю дворецкому Степану Макарьеву, что ему владыка приказал своего Житного двора дать хлеба займы, а тот хлеб отдать на государевом Житном дворе» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 67. Л. 12–12 об.). Таким образом, Иверский монастырь не стал покупать дорогой на тот момент хлеб, а выпросил его займы у митрополита. Одновременно другую партию мяса строитель отнес «в почесть» подьячему Хлебного стола Василию Юрьеву, «что он принимает запросный четвериковый хлеб» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 67. Л. 12 об.).

Жадные до прибытков приказные пользовались хлебной дороговизной и увеличили неформальные поборы при приеме хлеба в государевы житницы. В коллективной челобитной дворцовых крестьян Новгородского уезда 1670/1671 г. подробно описано, как дворцовый воевода Парфений Яковлев сын Пятово «с приезде своего приказал на Житном дворе подьячим со всякого хлебного платежу имать с крестьян на себя со всякой четверти по алтыну, опроче того, что подьячие себе с крестьян имали; и тех зборных алтынов подьячей Марк Андреев вскоре ему не отнес, и за те алтыны держал ево, Марка, в железах скована многое время и бил батоги без милости, и от того бою тот подьячей умер вскоре. Да он же, Парфеней, от платежу того хлеба ото отписей и сверх алтынов имал с старост и с целовальников со всякой волости рублей по десяти и по пятнатцати, и больши, и за теми отписми волочит их, целовальников в город многое время». При выдаче хлеба из житниц П. Я. Пятово также вымогал деньги: «Да в прошлом во 178-м году весною били челом великому государю дворцовых сел крестьяне старожилы и выхотцы, у которых в прошлом во 177-м году хлеб до конца позяб, на семена из государевых житниц о ячмене и об овсе займы. И он, Парфеней, имал себе посулу с крестьян со всякой четверти по гривне и по пяти алтын». Бедные крестьяне, которые не могли заплатить «посулу», подали новгородскому воеводе стольнику М. И. Морозову челобитную на корыстного дворцового воеводу, «что их живущие участки не посеяны, запустеют». Однако П. Я. Пятово велел челобитчиков заковать «в железа» и бить батогами, но хлеба без посульных денег не выдал.

Дворцовые крестьяне посетовали, что «того старого ячмени и овса, о котором крестьяне били челом на семена, осталось в государевых житницах болши тысячи четвертей. И в прошлом во 178-м году от непосеянья ярового хлеба многие у крестьян участки запустели, и крестьяня обедняли». В голодный 1670/1671 год Парфений Пятово «тот хлеб продавал, и про то ведомо Великого Новагорода протопопом и попом, и всем причетником» (РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 1135. Л. 132, 136–137).

Другой случай поборов при поставке хлеба в государевы житницы описан в коллективной челобитной крестьян заонежских погостов 1677 г.: «В прошлом, государь, во 184-м году в Новгороде Патракей Саблин накупился к нам на Олонец к твоим государевым хлебным анбаром к приму. И будучи он, Патракей, у хлебного приму с наших мирских целовальников емлет себе всякими приметками ис твоего государева отсыпного хлеба у меры с четверти по четверику и болши, а сказывает, будто ему указано и за отмером с наших целовальников и за выпискою, и за отписми волочить и убытчить... А наперед сего, государь, как и город Олонец стал, такова уставу не бывало, принимали твой государев хлеб олонецкие посацкие люди выборные целовальники бесприметно и безубыточно и отпускали без задержанья и безволокитно – себе и конем простою и прокормов не чинили» (РГАДА. Ф. 210. Московский ст. Стб. 541. Ст. 9–10).

Дороговизна хлеба в Новгороде сохранялась до конца года. 25 сентября 1670 г. на иверское новгородское подворье купили четверик овса за 10 коп. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 67. Л. 16). В декабре 1670 г. Досифей писал в монастырь: «Да ныне государь митрополит, видя в мире хлебную скудость, что за бездорожьем привозу нет, велел из своих софейских житниц продавать рожь всякого чину бедным людям, четверик по две гривны, а на горки покупают по десяти алтын четверик» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1588. Ст. 169). Об этом же сообщил (в том же декабре 1670 г., не ранее 11-го числа) представитель Успенского Тихвинского монастыря в Новгороде: «А хлеб ныне купят на торгу ржи четверик по полуполтине, овса по три алтына по четыре денги. И того в привозу нет. И ныне изволил (митрополит. – П. С.) ...продать из своих домовых житниц хлеба ржи тысячу чети, и продают четверик по две гривны и несут, покупая, безпрестанно» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 13. Д. 269. Ст. 2). Иверская и тихвинская отписки не противоречат друг другу. В первой указано, что рыночная цена четверика ржи в декабре 1670 г. составляла 30 коп., но реального подвоза не было, а указная цена продажи из житниц составляла 20 коп. Вторая отписка дает среднюю величину (25 коп.) между рыночной (но «в привозу нет») и указной («несут покупая непрестанно»).

Важные сведения о хлебных ценах в Новгороде в феврале 1671 г. находим в отписке приказного старца старорусского вкладного двора Иоюля. По поручению своих властей он специально приехал из Руссы в Новгород 14 февраля «для ржания покупки» не на городском торгу, а у

Константина Харламова, который привез «из-за рубежа» более 200 четвертей ржи «в новгородскую меру»; К. Харламов «за четверик ржи говорил дать по полуполтины, а меньше того не емлет, а рожь добрая» – сообщал Иоиль. По его словам, в тот же день «...на торгу в Новгороде покупают доброй ржи четверик по десяти алтын». По-видимому, К. Харламов не имел возможности продать крупную партию хлеба по рыночной цене, поскольку из-за нехватки хлеба действовало ограничение, и продавать можно было только четвериками. Купец был готов продать четверик ржи по 25 коп. вместо рыночной цены 30 коп., только бы сбыть товар оптом и отправиться за новой партией хлеба. В сущности, он продавал рожь по митрополичьей указной цене, по которой, однако, было запрещено покупать крупную партию хлеба. К. Харламов сказал Иоилю, что, если иверские власти кроме этой партии готовы купить «ещо ржи, и он поставит из-за рубежа к Зборному Воскресенью в Новгороде ржи сто четвертей по той же цены» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1782. Ст. 14).

Перед нами две цены: одна спекулятивная «на хлебной горке» – 30 коп., а другая «нелегальная» – 25 коп. за четверик. Очевидно, что К. Харламов не собирался платить с такой продажи торговые пошлины, поскольку продавать крупные партии хлеба тогда было запрещено. В данном случае запрет оптовой торговли хлебом был вызван желанием властей ограничить спекуляцию хлебом, но на практике это еще более поднимало цены: купцы, привозившие в Новгород крупные партии хлеба, не могли его открыто продать. Иверские власти не разрешили Иоилю купить хлеб у К. Харламова, поскольку его доставка слишком увеличила бы цену: перевозчики запросили за доставку из Новгорода до Иверского монастыря по 20 коп. за каждую четверть (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1782. Ст. 14–14 об.).

Положение с хлебом в Новгородской земле подробно описано в челобитной царю архимандрита Успенского Тихвинского монастыря Ионы 1671 г. (не ранее 6 марта): «...грех ради в прошлом во 177-м и во 178-м годех во всей той стране около Тихвины и Олонца, и Ладоги, и во всех заонежских погостех учинился хлебу большой недород, и многие люди из домов своих розбежались и помирают голодом. А хлебу, государь, к нам ни из которых городов привозу ныне нет. А преж, государь сево привозили к нам на Тихвину хлеб из Ярославского и с Углецково, и з Белозерсково уездов. А у нас, государь, на Тихвине покупали тот хлеб в отвоз на Олонец, и в Олександрову, и во все Заонежские погосты и около Ладоского озера жильцы. А ныне из тех городов хлебу к нам привозу нет, и стало оскудение велико. А из-за свийского, государь, рубежа, из Канец, и с Орешка, и с ывангородчины немец с хлебом водою и на санех к нам на Тихвину заставные головы не пропущают, только велят ездить в Великий Новгород» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 13. Д. 291. Ст. 1). О тяжелом положении с хлебом в Тихвине архимандрит Иона сообщил и новгородскому митрополиту в отписке

февраля 1671 г.: «хлебом великая скудость, не родися по многие годы» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 14. Д. 7. Ст. 2).

Исключительно высокие хлебные цены в том году подтверждаются записями в приходо-расходной книге четверикового запросного хлеба со старорусской вотчины Валдайского Иверского монастыря 1671 г. В двух случаях вместо недоданной ржи с крестьянских целовальников брали деньгами, «за четверик по 12 алтын», то есть по 36 коп. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 74. Л. 16–16 об.). В другом списке той же книги указание на цену четверика ржи в обоих случаях было пропущено (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 72. Л. 17–18).

Данный факт вряд ли был простой опиской. По-видимому, при копировании книги монастырские власти сочли желательным скрыть, что брали с крестьян за хлеб деньгами по цене даже выше, чем спекулятивная на новгородской горке. В росписи 20 января 1671 г. о взимании денег за «недоплатный» отсыпной и запросный хлеб со своей старорусской вотчины иверские власти брали деньгами из расчета 36 коп. за четверик ржи, 18 коп. за четверик овса и 24 коп. за четверик ячменя (в старорусскую таможенную меру) (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1572. Ст. 12.; Д. 1789. Ст. 1–4.). В других случаях за недоплаченный хлеб крестьяне предпочитали отработывать на монастырь или давали на себя заемные памяти.

Недостаток хлеба в Новгороде заставил строителя иверского подворья Досифея в период осени 1670 г. или зимы 1671 г. занять 18 четвертей ржи «в новгородскую таможенную меру» у подьячего Ивана Козырева. Этот хлеб иверские власти занимали «для великие нужи, чтоб им на первой час стрелецкого хлеба в казну платеж объявить». Подьячий И. Козырев был приставлен к приему хлеба в государевы житницы, часть которого он, по-видимому, как и прежде, присваивал, а затем давал в долг тем, кто не мог поставить хлеб в царскую казну. Тем самым ловкий подьячий сбывал излишки краденого хлеба, который было опасно долго прятать от людей. В письме наместнику иеромонаху Евсению И. Козырев просил вернуть ему одолженный хлеб «по зимнему по нынешнему пути; а как государь, путь минет, и хлеб будет дороже, и в том монастырской казне будет убылнее» (РИБ, 1878. Стб. 792). Перед нами ценное свидетельство опытного в хлебной торговле человека о сезонных колебаниях цен на зерно, которые зависели в первую очередь от подвоза товара. При анализе хлебной торговли в Новгороде в период весенней распутицы (в марте и первой половине апреля, до привоза крестьянами хлеба на плотках) следует допускать небольшое вздорожание продукта.

Реальные расходы налогоплательщиков при сдаче хлеба в казну возрастали из-за вынужденных трат при получении отписи в поставке хлеба. Таковую отпись следовало заверять у приказных, а, значит, и платить им по обычаю. Незаверенная отпись не считалась таковой и могла

принести много хлопот. В сентябре 1671 г. монастырские власти подробно рассказали о такой беде новгородскому стряпчему П. Маркову. В Старой Руссе представитель монастыря предъявил местному воеводе «подлинную» отпись об уплате «полчетверикового хлеба» со старорусской и ржевской вотчин в Новгороде. «И воевода той новгородской отписи не послушал: я-де на ту вашу отпись плюю, принеси-де мне отпись с Москвы. И бил старосту на правеже смертным боем, и доправил в том хлебе кабалу в дватцати рублех». Иверские власти обратились за советом в столичный приказ к думному дьяку Семену Титову, который «на челобитной подписал: взять у них ту отпись на Москве в Розряд и осмотреть. И, буде прямая отпись и хлеб плачен», послать грамоту того хлеба с монастыря не брать. Но когда эту отпись «в Розряде показовали, и приказные люди говорят, что ржевской воевода делом на них правит. Будет-де у вас прямая такая отпись, верить ей нечево, потому: написано-де в ней, что принято в житницы, а хто принял, дворянин ли или дьяк, или целовальник, того не написано, и печати ничьей нет, только справа подьячево Василия Юрьева. Таким-де отписям и подлинным верить нечево. И оне-де приказным сказали, что так у них в Новгороде ведетца. И приказные люди сказали: которую-де вы платежную взяли у житниц, и стряпчему бы де объявить, ее в приказе и записать в книгу, и ис книги взять отпись прямую за дьячьєю приписью и за печатью Новгородского государства, тому б-де верили. И велели такую отпись прислать, чтоб-де была за дьячьєю приписью и печатью. В то время и грамоту дадут» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2004. Ст. 67–69).

Об уровне цен в новгородской земле осенью 1671 г. можно судить по обычаю платить монастырским слугам за хлеб деньгами. В Валдайском Иверском монастыре 15 октября выдавали деньги в расчете за рожь по 12 коп., а за овес – по 6 коп. за четверик ржи «в московскую меру» (в пересчете на новгородскую меру в 1,6 раза больше – 19,2 коп. за рожь и 9,6 коп. за овес; очень близко к указной цене раздачи хлеба в Новгороде), а 23 октября по 15 коп. за рожь и 7½ коп. за овес в «московскую меру». На следующий день монастырь расплатился «за свозной хлеб» в расчете на четверик «московской меры»: за ячмень по 15 коп., за овес – по 10 коп., за ярицу по 15 коп., за пшеницу по 18½ коп. и по 20 коп. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 99. Л. 33 об., 36–38).

Для податного населения тяжесть поставок хлеба усугублялась еще и манипуляциями при его приеме. В январе 1672 г. старец Маркел и стряпчий П. Марков писали из Новгорода о необходимости поставить за текущий год «в государевы житницы стрелецкой и запросной хлеб за крестьян с Новгородского уезду з двора по четверику ржи да по четверику овса в приемную меру, какова на Житеном дворе немного побольши новгородской таможенной меры» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2004. Ст. 11). Приемная мера в казну всегда была больше таможенной, тем самым казна не только оставляла себе необходимый расход при хранении зерна («на мышеед»), но и получала дополнитель-

ный доход, который, впрочем, часто присваивался приказными, приставленными к «хлебному приему». 2 марта 1672 г. в вотчине Иверского монастыря селе Низине продали из житниц «зборного стрелецкого и запросного хлеба» прошлого года 7 четвертей ржи «в новгородскую меру» по рублю за четверть или 12½ коп. за четверик и 3 четверти овса «в тое ж новгородскую меру» за 2 руб. 2 алтына 2 деньги или 8,625 коп. за четверик (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 2. Д. 99. Л. 8).

В начале ноября 1672 г. в Новгороде было объявлено о начале войны, «а служба будет всей земли большая на турка и на Крым» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2004. Ст. 84). В феврале следующего года стали собирать хлебные запасы. Иверский стряпчий В. Самсонов подробно описал, как воевода отдавал эти распоряжения: «Да во Зборное воскресенье, после обедни, боярин, приехав в приказ в первое, и велел подьячему Семену Протопопову, которой сухари принимает, послать по стряпчих монастырских и сказать, чтоб государев хлебной запас, сухари и толокно, и крупу, мелких монастырей везли тотчас в Новгород и ставили в житницы». В. Самсонову воевода сказал отдельно, чтобы иверские власти эти запасы везли в свои вотчины «ближние от города»; так их легче было бы привезти, «чтоб-де за бездорожием мотчания не было». Чтобы не создавать длинных очередей у житниц, воевода сначала хотел собрать хлеб с мелких землевладельцев, а потом принимать большие партии от крупных вотчинников. В тот же день была объявлена царская грамота о сборе стрелецкого хлеба с Новгородского уезда «вновь в прибавку на нынешней год 7019 чети, и боярин, видя, что ныне всего того хлеба не собрать, и указал собрать дрюю половину, з двора ржи и овса по четверику ж к старому платежу на прибавку, что ныне платили по одному четверику» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2188. Ст. 9–9 об.).

Венедикт Самсонов был горьким пьяницей и среди прочих иверских стряпчих выделялся велеречивостью посланий. По-видимому, это не только было в его характере, но и помогало оправдываться перед архимандритом, который часто ругал слугу за то, что тот «ходил за брагой, а не за делом». Особенности характера стряпчего подтолкнули его подробно описать, как в Новгороде принимали хлеб.

В. Самсонов подал воеводе П. В. Шереметеву челобитную «на дому» о разрешении беспошлинно закупать хлеб в Боровичах для поставки в казну. «И боярин, приняв, высмотрел сам и сказал: будет есть государева грамота, и я-де пошлин не велю иметь». Стряпчий отвечал, что такой грамоты нет, «толки как и монастырь зачался, пошлин с товаров, которые на монастырской свой обиход покупаем, преже сего не имывали». Венедикт лукавил, речь шла не о покупке хлеба «на обиход», а для поставки в казну. Воевода не поддался на уловку и «сказал: в тоде время указ и грамота у вас была тарханная, что пошлин иметь не велено, а ныне-де без пошлин не уметь, то государево, станут-де откупчики бить челом государю и вычитать. И ныне-де пошрины платить, и

челобитную отдал». Далее стряпчий описал, как был организован прием хлеба: «А хлебные запасы, сухари, и толокно, и крупу принимают в Великом Новгороде на Житном дворе в житницы, а сыплют всяких чинов люди зброс наголо с верха. А как мерят, и всякой по них ходит. А в кули не сыплют, кули порозжие кладут по четыре двора в куль» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2188. Ст. 27). В данном случае хлебные запасы насыпали в установленную тару не под гребло, а с верхом. Прием как толокна и крупы, так и сухарей осуществлялся при посторонних людях, которые толпились со своим хлебом у житниц. Посторонние глаза препятствовали махинации приказных, удостоверили отсутствие плутовства при измерении объемов.

Перед житницами образовалась длинная очередь. «И я бил челом боярину, – писал далее В. Самсонов, – чтоб пожаловал, велел отвести на наш Иверской монастырь особ житницу для поспешения сыпать, чтоб простою лишнего не было. А в коих житницах всяких чинов люди сыплют, и тут отнюдь не додратца. Житница до света и до позднего вечера полна людей, всякой, объемши свой мешок, сидит на сухарех и дожидаетца друг у друга меры. Кой успел ухватить, тот и мерит» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2188. Ст. 28). В центре повествования стряпчего Венедикта оказывается приемочная мера, за которую в очереди шла упорная борьба. От нее зависела судьба налогоплательщика, который привез хлеб для сдачи, надо думать, с разумным запасом; но хватит ли его для заполнения приемной меры, в этом уверенности у сидевших сутками под открытым небом не было.

Стряпчий не забыл описать начальству собственные хлопоты для успешной сдачи монастырского хлеба: «И боярин послал дворянина, кому приказан тот запас принимать, Ивана Дретенского, и меня с ним, и велел нам приискать особую житницу. Только нашли одну, – продолжал повествование о своих заслугах стряпчий, – и в тою весною подходит вода. И мы, присмотря, приход к боярину, рассказали, и он марта в 12 день велел тотчас розобрать, и поднять, и собрать незамотчав. И к нынешнему воскресению учнем сыпать» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2188. Ст. 28). Стряпчему удалось создать живописную картину сдачи хлеба, но еще более – собственных заслуг перед начальством по своевременной сдаче и сохранению порученных ему хлебных запасов.

В очереди перед житницами люди судачили о новых мерах сыпучих тел: «А мерою незабавятца, учинена та мера: одна четверик, и полчетверика, и малой четверик, все в одном месте, з двора доведетца по одной мере сухарей, а толокну – другая мера с четырех дворов, а крупам третья мера, то ж с четырех дворов для поспешения» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2188. Ст. 28). Разумное нововведение ускоряло прием хлеба: для каждого товара была установлена своя мера, рассчитанная на четыре двора налогоплательщиков.

Другой темой пересудов были преимущества, которые доставались некоторым избранным: «Многие люди и монастыри, которые у

себя на подворья сыпали запас, дивятцы, что для Иверского монастыря житницу государевыми людьми (воевода. – П. С.) велел строить. И я, – продолжал стряпчий, – давал дрегенских мужиков для поспешения на помощь, и у меня не взяли: и тех-де много» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2188. Ст. 28–29).

Венедикт Самсонов не преминул сообщить о текущих ценах в Новгороде: «А ныне ещо мощно купить (далее одно слово неразборчиво. – П. С.) ржи и овса два четверика» за 6 алтын 2 деньги «за все и з провозом, а как дорога учнет портитца, будет дороже, никто не повезет» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2188. Ст. 29). Перед нами еще одно указание на сезонные колебания цен в Новгороде: с наступлением весенней распутицы дороги становились непроходимыми, и первого подвоза хлеба «на горку» можно было ждать только после вскрытия реки Волхова и озера Ильмень в апреле.

В заключение стряпчий сообщил, что написал на старорусское монастырское подворье, чтобы «крестьяне привозили хлеб все в государеву приемную меру, а не в старорусскую» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2188. Ст. 29).

В следующем году хлебные цены в Новгороде снизились. В июле 1673 г. Успенский Тихвинский монастырь закупил в Новгороде «в хлебном стрелецком платеже» по 13 четвертей ржи и овса: рожь по 12 коп., овес по 5 коп. за четверик. В тихвинской расходной книге было сделано уточнение, что для платежа хлеба в казну его закупили не на торгу, а у Никиты Арцыбашева, за что его отдельно благодарили пирогом и винными ягодами. По-видимому, на горке цена была несколько выше. При сдаче купленного хлеба в государевы житницы по обычаю было уплачено сверх самого хлеба: «за отпись подьячим» 2 руб., им же «в почесть пирог» за 7 коп. и деньгами 30 коп., «приставом хоженного» 10 коп. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 284. Л. 6.). Еще более низкую цену сообщили с иверского подворья в декабре 1673 г.: «ныне купят рожь в четыре алтына, а иное без дву денег, а овес в девять и в десять денег» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2181. Ст. 124) (то есть 2 четверика жита (по четверику ржи и овса) в марте стоили 19 копеек, а в декабре 15½–17 копеек).

Рассмотренное пространное описание сдачи хлебных запасов в новгородские государевы житницы содержит прямые указания на особенности хлебной торговли, использование приемных мер. Несистематичность подвоза хлеба в город, сезонная распутица, сосуществование разных мер сыпучих тел свидетельствуют о неразвитости рыночных отношений на местном уровне. Значительные колебания цен от месяца к месяцу и даже от дня ко дню позволяют поставить закономерный вопрос о возможности определения цены на такой важный товар, как хлеб. Цена ржи в Новгороде в 1669–1673 гг. составляла 10, 20, 25 и даже 30 копеек. Каждое такое свидетельство, взятое в отдельности, не отражает реальной картины. При вычислении, например, среднегодовой

цены ржи (если источники сохранили несколько свидетельств о цене товара в течение одного года) исследователь рискует получить абстрактную сумму, которой никогда не существовало на данном рынке. Наиболее продуктивным представляется детальное описание положения с хлебом, включая не только его цену и используемые меры сыпучих тел, но и по возможности всех сопутствующих обстоятельств. Такой подход является предпочтительным для изучения торговли эпохи Средневековья, в которой частное и конкретное преобладало над общим и усредненным.

На 7182 (1673/1674) г. с Новгородского уезда предстояло собрать стрелецкого хлеба «з двора по полтора четверика и пол малого третника ржи, а овса тож в новгородскую таможенную меру». С известием об этом во все пятины были отправлены приказные люди, «а в большие монастыри изволил боярин послать с отписками своими нарочитых посланников дворян и месных подьячих». В Валдайский Иверский монастырь эту весть доставил подьячий «от места стола стрелецкого хлебного платежа» Степан Родионов. Представитель монастыря в Новгороде советовал своим властям почтить подношением полезного приказного, чтоб было ему чим, в Великий Новгород приехав, боярину ваша милость сказать, потому что боярин учнет у них спрашивать, кому где какова честь была, а он, Степан, человек доброй и к дому Пресвятой Богородицы во всяких делах радеет» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2181. Ст. 135).

Перед нами характерный для традиционного общества обычай, когда государев приказной человек состоит в особо доверительных отношениях с подвластным населением. «Кормление» чиновника от населения подразумевало ответную благодарность в интересах щедрых челобитчиков. Подьячий молился в святой обители, по обычаю его потчивали и воздавали «честь», ожидая принятых в таких случаях ответных обещаний быть «добрым» и «во всем радеть». Благословение архимандрита, поднесенная икона или книга скрепляли деловые отношения не менее важными узлами благодарности и доброжелательства. Слова о заинтересованности боярина относительно «чести», оказанной в монастыре подьячему, следует понимать как намек щедро одарить посланного подьячего, которому по возвращении предстояло отблагодарить боярина за посылку в столь богатый монастырь.

При таких неформальных отношениях иверский архимандрит имел возможность обратиться с просьбой к воеводе или приказному. В отписке в монастырь стряпчий В. Самсонов описал, как воевода реагировал на такие просьбы. 2 января 1674 г. стряпчий явился «к боярину на двор для провести» по монастырским делам: «Как я пришел в переднюю, и малое время помешкал, и меня спрашивают: ест ли иверской стряпчей. И я к нему в заднюю пришел, а у него два дьяки, Иван и Федор. И как я челом боярину ударил, и он начал говорить: пишет-де к ним архимандрит ваш, чтоб-де нам поволить в Великом Новгороде

покупать вам хлеб и отдавать в платеж стрелецкого хлеба. И вам-де Бог в помощь, покупайте, где вам годно, не за рубеж-де тот хлеб пойдет, в государевы ж житницы». Покупка Иверским монастырем крупной партии хлеба на «горке» (до полуторы тысячи четвериков) неизбежно привела бы к удорожанию хлеба на местном рынке, почему архимандрит и просил о том особого разрешения боярина. Благосклонный к иверским властям воевода легко дал разрешение и велел стряпчему Венедикту написать в монастырь, «что книга с подьячим Степаном к нему, боярину, дошла, и на ней челом бьет. А стрелецкой хлеб купить не начать, даст Бог учнем промыслять» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2307. Ст. 4). Так книга «Брашно», посланная к боярину с подьячим Степаном Протопоповым, сделала свое дело, и Иверский монастырь получил выгодное разрешение закупить хлеб в Новгороде.

Несмотря на разрешение воеводы, монастырские власти упустили возможность купить хлеб в Новгороде вовремя. В мае 1674 г. стряпчий Венедикт сетовал на упущенное и припоминал, что стрелецкий хлеб «в то время о Рождестве Христове мочно купить было как в гривну, и в четыре (алтына. – *Л. С.*) без копейки во всю зиму была рожь, а овес и в девять и в десять денег». По оценке стряпчего упущенная выгода составила крупную сумму: «потерялося рублей пятьдесят ни за что» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2309. Ст. 90).

К концу следующего года хлеб в Новгороде оставался недорогим. В отписке середины декабря 1675 г. в Иверский монастырь писали: «А у нас ныне в Великом Новгороде хлеб: рожь по четыре алтына по две денги четверик, а овес по семи копеек четверик на горки в новгородскую таможенную меру» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2421. Ст. 91).

В письме 10 февраля 1676 г. из монастыря велели старцу новгородского подворья Аркадию и стряпчему В. Самсонову, чтобы они сообщили во сколько встал подряд стрелецкого хлеба с двора «и сколько от отписи того стрелецкого хлеба дьяку и подьячим денгами станет». Интересен наказ иверских властей раздобыть в Новгороде точную копию новгородской приемной меры: «Да вам же промыслить у целовальников з государевы приемные меры, в которую меру вы тот стрелецкой хлеб платили, примет кадочку в тое меру слово в слово, чтоб была ровно. А промысля, и побить челом, чтоб и заорлили для правды. Да хотя тасм тое меру у себя и оковать и, учиня с тое меры тот примет», прислать в монастырь, чтобы «верно и безгрешно было в тое меру тот стрелецкой хлеб со крестьян збирать, потому что крестьяне всегда нам докучают, будто мы с них лишней хлеб перебираем, а нам лишнее не надобь, заплати он прямое» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2517. Ст. 5 об.).

Через несколько дней из Новгорода послали в монастырь запрошенную точную копию приемной меры, «в которую стрелецкой хлеб принимают». Однако заорлить ее оказалось невозможно: «запечатать не

дают, потому, государи, что за крестным целованьем те печати, чтоб никому не давали» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2517. Сст. 8).

В отписке 29 февраля 1676 г. старец Аркадий и стряпчий Венедикт подробно описали условия поставки стрелецкого хлеба. Им стало «сумнительно», где следует сдавать хлеб: в Новгороде или в Пскове, и если в Пскове, то в ту ли меру, которую удалось добыть и послать в монастырь: «прямого указу и ведома нет, а путь ставитца последней». Венедикт сообщил, что прежде поставил в Новгороде хлеб с части монастырских вотчин «з двора плачено по три четверика ржи, овса тож в новгородскую таможенную меру вверх». Далее он сделал важное разъяснение: «А в государеву Житного двора приемную меру, каков к вам, государем, припуск послан, входит таможенных по три четверика ржи и овса; учинена та мера большая для поспешения. И в тое большую приемную меру, какова к вам, государем послана, доведетца со всякого двора иметь по меры ржи и овса тож, а в таможенную доведетца ржи и овса по шти четвериков со всякого двора» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2517. Сст. 12–13). При таком порядке приема казна выигрывала в скорости засыпки хлеба в государевы житницы: в одну приемную меру сразу засыпали 3 четверика хлеба с одним «верхом».

Далее стряпчий остановился на ценах в Новгороде: «А ржи четверик куплен по четыре алтына по 2 денги и овса по два алтына по 2 денги. И з двора доведетца, будет изволите иметь за рожь три четверика по тринадцати алтын, а за овес за три четверика ж по семи алтын, и обоего з двора за рож и за овес по дватцати алтын». Венедикт еще раз подтвердил, что он не смог заорлить снятую с приемной меры копию: «отнюдь того не промыслить, всякой опасетца такова дела, а та мера, что к вам, государем, послана – прямой припуск» (то есть копия. – *Л. С.*) (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2517. Сст. 12).

То ли воевода замешкался с указанием, куда свозить хлеб, то ли иверские власти не устроила цена поставки, но за монастырем остался долг. В июне 1676 г. воевода стольник князь М. А. Черкасский посадил стряпчих «всех новгородских монастырей, у которых хлеб не плачен, велел сажать, и сидели июня с третьего числа до шестаго», когда со всех собирали поручные записи в платеже. По словам стряпчего, «у стольника, государи, милости нет, да и не будет, что сроку подале дать, как скажот, так и делай. А будет в чем наш брат поперечил или побил челом в притим крепко, и он на кулаках душу велет выбить и вон из приказной полате, толкаячи, и иное и батогами велит выбить, не велит себе докучать» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2421. Сст. 82).

Подробно описывая жестокие действия воеводы, Венедикт объяснял своему начальству, почему он был вынужден дать на себя поручную запись с обязательством поставить хлеб в казну: «И нам не переседить приказные полаты. А бьем челом стольнику о свободе, и он только говорит: “хотя умри, пока хлеба не заплатишь, не велю выпустить”». 7 июня князь М. А. Черкасский поехал «на Торговую сторону ко госу-

дарскому ангелу к Федору Стратилату к вечерни, и мы, вышод, били челом о выпуске для государского ангела, и он пожаловал, велел освободить из-за караула, а велел по себе поруки прибирать с записью». В таких условиях подряд оказался почти вдвое дороже, чем это было возможно в феврале: «И многия монастыре на тот хлебной платеж во Псков дворян подрядили, з двора давали по рублю, а иные и по сороку алтын за все, за гостинцы и за отпись» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2421. Ст. 83).

Хлебные цены 1676 г. зависели еще и от погоды. В июне староста вотчины Успенского Тихвинского монастыря – Шунгского погоста Олонецкого уезда – утверждал, что «ныне, пока хлеб з земли не израстет, продать нечего, потому что весна была протяжная, и скотинишко замело; что было хлеба, и то скоту скормили в недостатке кормов» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 20. Д. 210. Ст. 1). Неблагополучно было с урожаем следующего 1677 г. в старорусской вотчине Иверского монастыря, где «яровой хлеб не родился» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2715. Ст. 27).

В начале января 1678 г. цена на поставку стрелецкого хлеба была уже меньше. Строитель новгородского подворья Ефрем истряпчий Семен Григорьев сообщали в монастырь, что «на стрелецкой платежной хлеб, что платитце в Новгороде, ...подрядили з двора по дватцати по три алтына по две денги и с отписью, а овсу в городе цена дорогая, мало что не против ржи, а ден ото дни ставитца дороже» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2624. Ст. 26).

В начале января 1679 г. в монастыре стало известно, что в Новгороде иверский иеромонах Дионисий подрядил заплатить за стрелецкий хлеб во Пскове по 23 алтына 2 денги с двора, и по его же сведениям, полученным от владычного крестового священника, новгородский митрополит платил «во Пскове тот стрелецкой хлеб, и ему-де в тот платеж стало з двора по полтине» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. 2806. Ст. 1).

1679 год выдался неурожайным: летом посельский старец иверской вотчины села Шапова Вениамин писал в монастырь, что «у нас хлеб еровой Божиим изволением побилась весь морозом; <...> а поборы на миру государевы стали большие» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2825. Ст. 1). В июне того же года о том же сообщали из Старой Руссы: «рублевые и полтинные денги зборщики добирают с великою нуждою, потому что, государи, в мире скудость стала большая, многие крестьяне от тех рублевых и полтинных денег, покиня свои тяглые участки, розбежались» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2845. Ст. 3). На рост налогов жаловались и крестьяне шунгской вотчины Успенского Тихвинского монастыря: «...а в мире, государи, стало денежная и хлебная скудость болшая» по причине сбора рублевых денег на жалование ратным людям и стрелецкого хлеба, который «пред прежним збором

наложен вдвое» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 26. Д. 20. Сст. 2).

9 октября 1679 г. состоялся царский указ с боярским приговором о платеже стрелецкого хлеба «по вся годы» со всех церковных земель с каждого крестьянского и бобыльского двора по три четверика ржи и овса «в приемочную меру». Деньги на покупку этого хлеба в Новгороде иверские власти велели выслать со своего старорусского подворья: за 390 четвертей ржи и овса «по новгородской цене» 249 руб. 60 коп. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2845. Сст. 26–27). В 1679 г. представители Успенского Тихвинского монастыря покупали рожь для поднесения воеводе и заплатили митрополиту вместо «рождественского хлеба» деньгами, и все по одной и той же цене: по 9 коп. за четверик (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Картон 26. Д. 23. Сст. 4).

В декабре 1679 г. иверские власти запретили своим представителям в Новгороде закупать стрелецкий хлеб на местном рынке: «с торгу хлеба не покупать и в государевы житницы не платить», а просить воеводу дать отсрочку до Зборного Воскресения, хотя цена подряда на тот момент была невысока – по 14 алтын с двора (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2806. Сст. 117–118).

Распоряжение добиваться отсрочки в платеже стрелецкого хлеба было вызвано противоречивыми сведениями о его цене. 5 декабря 1679 г. в монастырь приехал новгородский посадский человек Богдан Гаврилов сын Семенской и сообщил, что в Новгороде «на торгу» рожь покупают по 8 коп., а овес по 5 коп. за четверик. Он также сказал, что «государева-де приемная мера, что стрелецкой хлеб в Новгороде в государевы житницы принимают, меньше новгородской торговой меры четвертой долей». Старец и стряпчий новгородского подворья решительно не согласились с этими данными. Они, напротив, утверждали, что Б. Г. Семенской «солгал»: будто бы казенная приемная мера в Новгороде была больше торговой, а хлеб на деле стоил дороже: «покупают рожь по гривне и по три алтына, а овес по пяти копеек и по два алтына» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2806. Сст. 129).

Иверские власти проверили донесение своих представителей в Новгороде. В монастырь приехал новгородский посадский человек Иван Гаврилов, который заверил, что в Новгороде «торговая мера приемной стрелецкой меры подлинно меньше». Выходило, что старец и стряпчий в Новгороде собирались отчитаться перед начальством о покупке «на горке» ржи по 10–12 коп., тогда как цена была ниже – по 8 коп. за четверик. С новгородской монастырской вотчины следовало поставить в казну 3000 четвериков, а со старорусской вотчины «и втрое того с лишком»; при таких объемах даже маленькая разница в цене или в размере четверика влекла значительные убытки. Поэтому из монастыря последовал строгий выговор: «...и то знатно, что вы, строитель и стряпчей, солгали, ...и то вы чините не гораздо, пишете к нам, непроведав в подлинник или хотя лишками сами покорытоваться, а знатно, что

плутает стряпчей» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2806. Ст. 123–125).

После сопоставления разных данных власти Иверского монастыря уточнили подлинную цену хлеба в Новгороде, о чем писали в Старую Русу в конце декабря 1679 г.: по сведениям Досифея, будто в Великом Новгороде рожь продают четверик по гривне, овес по семи копеек, и то, государи, продают хлеб в Великом Новгороде не тою ценою, а продают рожь четверик по восьми копеек, а овес по два алтына, и подряжают такую ценою. А в Старой Русе продают хлеб четверик по гривне, а овес по семи и по восьми копеек» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2845. Ст. 63). Через несколько дней из монастыря в Руссу писали о том же, но с небольшим уточнением: Досифей утверждал, что цена четверика ржи 10 коп., овса 6 коп., а на самом деле – ржи 7 коп., овса 6 коп. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2806. Ст. 54).

Таким образом, полученные в монастыре итоговые данные о цене хлеба в Новгороде в ноябре – декабре 1679 г. постоянно уточнялись и в результате оказались посредине между первоначальными сведениями новгородских посадских людей и стряпчего новгородского подворья как покупателя. По-видимому, речь шла о незначительных колебаниях цены день ото дня или же о запросной и желаемой для покупателя ценах, которые в конечном итоге сходились на некоей средней цифре. Это обстоятельство также следует учитывать при анализе практики формирования цены товара, которая была подвижна и ситуационна, как и сама торговля. Не менее важно, что любые источники сведений о ценах не являются беспристрастными свидетельствами не только в смысле обмана и подлога, но и по той причине, что одни люди хотели продать подороже, а другие, наоборот, купить подешевле. Поэтому при учете цен даже в приходо-расходных книгах возможны искажения, когда их составители невольно выдавали желаемое за действительное.

Еще одним фактором, влиявшим на цену любого товара, был объем наличных денег у населения. 3 марта 1680 г. каргопольские таможенный голова Василий Лобанов и целовальник Ларион Попов «с товарищи» подали заручную челобитную о причинах недобора торговых пошлин против прежних годов. Они ссылались на то, что ранее «приезжали в Каргополь иногородцы торговые люди вологодчане и белозерцы, и Новгородского, и Олонецкого уездов, и Чаранские округи, и из иных городов и уездов с хлебом и со всякими товары, и з денгами на куплю», а торговцы с севера везли рыбу и соль. А в нынешнем году «ни с какими товары торговых людей приезду и торгу против прошлых годов и вполы нет», а если и продают, то «против прошлых годов дешевле вполы. В прошлых годех продавали четверть ржи по рублю и по тридцати алтын, а в нынешнем во 188-м году продавают четверть ржи по пятнадцати и по четырнадцати алтын и по четыре гривны». То есть цена четверти ржи упала с 90–100 коп. до 40–45 коп. (или с $11\frac{1}{4}$ – $12\frac{1}{2}$ коп. до $5\text{--}5\frac{2}{3}$ коп. за четверик), а цена соли снизилась с 9–12 коп. до 4–5 коп.

за пуд; «и иные всякие товары потому ж дешевле вполы, да и того торгу нет». Причину упадка торговли челобитчики видели в том, «что в мире, государь, стала денежная скудость и нужда великая»: в Каргополе, Турчасове и в уездах с торгов и промыслов собирают «две десятые денги, да подымные денги за прошлой год по рублю з дыму и другие подымные денги с маломошных людей по полтине з дыму». Сверх того на 1679/80 г. собирали стрелецкие денги по рублю с двора, отчего многие крестьяне стоят на правее и таможенные пошлины «збирать стало не с чево» (РГАДА. Ф. 141. 1680 г. Д. 94. Сст. 1–3).

Сходная ситуация была не только на Севере, но и в новгородских землях. В июле 1681 г. со старорусского иверского подворья писали в Новгород, что «крестьяне денгами оскудали» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 2999. Сст. 44). Поэтому наблюдаем небольшое понижение хлебных цен. В ноябре 1681 г. от Успенского Тихвинского монастыря новгородскому воеводе поднесли купленные на местном рынке за 3 руб. 80 коп. – 8 четвертей 6 четвериков ржи (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 29. Д. 70. Сст. 1), то есть по цене 5,43 коп. за четверик (цене весьма близкой к каргопольской 1680 г.).

В центре внимания всех участников купли-продажи и поставки хлеба неизменно был вопрос о мерах сыпучих тел. В конце ноября 1681 г. строитель и стряпчий в Новгороде получили повеление из монастыря «зделать пример против таможенного четверика новой московской меры». На новгородском подворье «с таможенного нового четверика меру сняли» и отослали в монастырь. При этом строитель и стряпчий предупреждали, что сами уже добавили некоторый объем к образцу: «а припушивать болши того тот четверик, как вы, государи, изволите, потому что тот четверик у нас припушен, и с приемною мерою на горке в лавотчиков спущен» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3017. Сст. 46). То есть этот четверик уже был увеличен с таможенного размера до приемного.

1681 год выдался неурожайным: в декабре из шаповской вотчины Иверского монастыря писали, что не смогут прислать гороха и пшеницы, потому что «у нас ныне яровой хлеб не родился» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3067. Сст. 1). В декабре 1681 г. цена подряда стрелецкого хлеба (по три четверика ржи и овса с двора) составляла в Новгороде по 30 копеек: «подрядчики прошают со всем, и с отписью, по десяти алтын, а менши того нет» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3067. Сст. 52). В январе 1682 г. воевода потребовал, чтобы иверские крестьяне «стрелецкий хлеб везли тотчас потому, чтоб тот стрелецкой хлеб по-прежнему-де у вас платежем в лето не затянулся». Монастырь подрядил к этому делу подьячего Андрея Козырева по цене 30 коп. с двора (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3089. Сст. 1, 4). 20 января 1682 г. Успенский Тихвинский монастырь заплатил в софийский житенной двор вместо ежегодного рождественского хлеба деньгами за ржаную муку по цене 8 коп. и овес по 4 коп. за четверик (Архив СПбИИ

РАН. Ф. 132. Картон 8. Д. 248. Ст. 73). Не ясно, в какую меру принимали в данном случае хлеб, поскольку на владычном дворе использовали свою, «софийскую приимшную меру» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Картон 8. Д. 248. Ст. 69).

В феврале 1682 г. келарь Успенского Тихвинского монастыря купил в Новгороде ежегодную хлебную почесть воеводе 8 четвертей ржи «в малую таможенную меру» по цене 5 коп. за четверик (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Картон 30. Д. 163. Ст. 1). Как видим, переход в Новгороде на «новую московскую меру» в 1679 г. на какое-то время закрепил за ней просторечное именование «малой таможенной», поскольку она была в 1,6 раза меньше прежней «новгородской».

В октябре 1682 г. иверские власти заранее запросили о цене того же подряда, чтобы монастырские крестьяне сами приняли решение: будут ли они «против прежнего» поставлять тот хлеб монастырю или же сами повезут его в Новгород, «а до зимнего пути того стрелецкого хлеба вести не можно» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3089. Ст. 149). В ноябре того же года с новгородского подворья подробно отчитались о ходе поставки стрелецкого хлеба в Новгороде. Архимандрит Хутынского монастыря подрядил со своей заонежской вотчины, с 546 дворов, «з двора по три четверика ржи, овса тож» по 30 коп. за двор; архимандрит Юрьева монастыря подрядил в ту же цену. Иверские строитель и стряпчий «докладывали гостя Семена Гавриловича, изволит ли он подрядитца пот тот хлеб, и он, гость сказал, что-де я по-прежнему велел подьячему хлеб в государевы житницы заверстать и отпись в том хлебе отдать». Строитель и стряпчий добавили, что гость считается выгодным подрядчиком: он берет обычную цену подряда по 30 коп. с двора, но выполняет взятые на себя обязательства – «платит не так как ныне посадские люди Василей Коровин да Яков Леонтиев, в прошлом во 188-м году взялися платить стрелецкой хлеб за Петровской погост да и по се число, государи, не могут расплатитца» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3089. Ст. 162 об.).

Сверх подряда подвластное население несло дополнительные расходы на подношения начальству, приставленному к этому сбору. В январе 1683 г. во время поставки стрелецкого хлеба монастырь понес дополнительные расходы: воеводе боярину В. С. Волынскому «от платежю стрелецкого хлеба» за 1681/1682 г. было дано 10 руб., людям его двора – 30 коп., дьякам Борису Остолопову и Никифору Кудрявцову по 4 руб., их людям 18 коп. Кроме того, были «званы Житного двора приему стрелецкого хлеба подьячие и целовальники, изошло на рыбу и на росходы всякие, на вино церковное и ренское» 48 коп. 5 марта дьяку Семену Прокофьеву «от того ж дела стрелецкого хлеба от платежю 3 рубля» и двум целовальникам «в почесть» по полтора рубля (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3089. Ст. 229 об.). В январе 1683 г. хлебная цена на новгородском рынке оставалась стабильно низкой:

для воеводы купили 8 четвертей ржи по обычной цене, 5 коп. за четверик (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 31. Д. 137. Ст. 1).

В следующие месяцы цена поднялась. В Шунгской волости Успенского Тихвинского монастыря, по отписке приказного старца начала мая 1683 г., «у многих крестьяниц в нынешнее засевной время и семен яровых намале, у иных и пищи от прошлого 190 году мало-де семенных овсов и жит оставалось от забельного недороду, и тем скудость-де у них большая» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 31. Д. 182. Ст. 2). Падение урожайности зерновых в 1683 г. по сравнению с 1682 г. можно проследить по записной книжке бежецкого помещика А. К. Глазатого. В 1681/1682 г. в его селе урожай пшеницы составил сам-4, овса сам-3, а в 1682/1683 г. – пшеницы сам-2, овса меньше сам-3, а в иных местах и меньше сам-2 (Морозов, 1983. С. 68).

В следующем году положение с хлебом в Новгороде улучшилось. В декабре 1683 г. с иверского подворья извещали, что «у нас на хлебной горки, привозя, крестьяне продают хлеб четвериками, рожь четверик по два алтына, а овес по алтыну». Цена подряда стрелецкого хлеба при такой цене составляла обычные 30 копеек, но если кто был готов заплатить деньги вперед, то подрядчики сбавляли цену на 1 копейку за каждый двор (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3228. Ст. 290).

В последних числах декабря 1683 г. слуга Успенского Тихвинского монастыря купил в Новгороде 8 четвертей ржи для подношения воеводе боярину князю Ф. С. Урусову: «четверть куплена по 13 алтын по 2 денги», то есть по 5 коп. четверик (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 480. Л. 1 об.). По данным тихвинского слуги четверик был на копейку дешевле, нежели об этом писали с иверского подворья. Указанную разницу в цене можно объяснить тем, что для подношения воеводе хлеб должен был быть самого отменного качества. Кроме того, тихвинский слуга зафиксировал цену конкретной покупки значительного объема и мог рассчитывать на небольшую скидку. Представитель Иверского монастыря мог несколько завысить цену хлеба на местной «горке» с целью не прогадать при заключении подряда. Это не обязательно было именно лукавство: лучше было сообщить в монастырь верхнюю границу торговой цены, которая могла колебаться день ото дня, нежели затем объяснять своему начальству, почему подряд оказался дороже против ожидаемого.

Существенным фактором, повлиявшим на хлебные цены в Новгороде, был его незаконный вывоз за рубеж. В январе 1685 г. новгородский гость Семен Гаврилов донес в Москву о факте контрабандной продажи хлеба и сослался при этом на тайный указ царя Алексея Михайловича, запрещающий вывоз хлеба за рубеж: «в прошлых-де годах <...> прислана ево великого государя, грамота в Великий Новгород с великим подтверждением под смертною казнию, а велено-де им сказать тайным обычаем, что за свейской рубеж никаких чинов люди хлеба не провозили». Со слов С. Гаврилова, этот царский указ был нарушен при

пособничестве прежнего воеводы боярина князя Ф. С. Урусова: двое купцов «провезли за свейской рубеж ржи 230 подвод, а тот хлеб покупали в Шелонской пятине». Сопровождал обоз с хлебом человек новгородского воеводы Иван Бакланов. И это был не единичный случай: в 1684 г. те же купцы и опять в сопровождении человека боярина князя Ф. С. Урусова вывезли за рубеж еще 500 возов хлеба. Семен Гаврилов извещал, что по донесению целовальника на пограничной заставе и «иные-де всяких чинов люди хлеб за свейской рубеж везут, и целовальники-де о том ни о чем говорить не смеют». По видимому, их тоже сопровождали слуги влиятельных людей (Русско-шведские, 1960. С. 463).

По утверждению С. Гаврилова, тайный вывоз хлеба непосредственно влиял на хлебные цены: «И от того-де в Великом Новгороде стала хлебная дороговель, покупали ржи четверик по 10 денег и без деньги по два алтына, а ныне-де четверик купят по 3 алтына и по три алтына по 2 деньги». Вздорожание ржи почти вдвое: с 5–7 до 10 коп. за четверик гость объяснял продажей за границу: «... привозу-де мало, купить нечево; а из Шелонской-де и из Вотцкой, и из Обонежской пятин в привозе в Великий Новгород генваря по 19 число всякого хлеба только 151 чети». Далее С. Гаврилов напоминал о том, в 1650 г. новгородский воевода окольный князь Ф. А. Хилков «пропускал за свейской рубеж хлеб, и от того-де в Великом Новгороде учинился бунт, и многая кровь лилась», а дворы воеводы и зажиточных новгородцев были разграблены. Как таможенный голова С. Гаврилов оправдывался перед московскими властями: «...он-де про то про все ведает и говорить не смеет, бояся всякого оскорбления и конечного напрасного разоренья; а от хлебной-де скудости и дороговли всякая злоба в черни множитца» (Русско-шведские, 1960. С. 463–464). Тот факт, что гость посмел донести о тайном вывозе хлеба за рубеж только после назначения нового воеводы, а также прямое указание на участие в том преступлении слуги князя Ф. С. Урусова, позволяет предположить, что именно воевода и был главным покровителем контрабанды.

Царская грамота 3 февраля 1685 г. предписывала новому воеводе боярину князю М. Я. Черкасскому учинить по тому делу розыск и допросить людей прежнего воеводы и всех причастных к скупке и продаже хлеба за границу. Вопрос о разрешении новгородцам и псковичам вывозить хлеб за рубеж, а шведским купцам – покупать хлеб в Новгороде и Пскове был рассмотрен в приказе Большой казны. В выписке по тому делу сообщалось, что в феврале 1675 г. шведские купцы обращались к московским властям с просьбой закупить в Новгороде, Пскове и соседних уездах 500 четвертей хлеба «повольною ценою». Шведы ссылались на то, что когда «в прошлых-де годах» в Новгороде и Пскове был «хлебной недород» (т. е. голод 1670–1671 гг. – *П. С.*), они привозили свой хлеб на продажу. Царский указ 24 февраля 1675 г. категориче-

ски запретил всякую хлебную торговлю со Швецией (Русско-шведские, 1960. С. 466).

Значительная разница в хлебных ценах Швеции и России делала жителей пограничных земель весьма изобретательными в попытках обойти царский запрет. В 1675 г. «новгородцы, дворяне и дети боярские, и посадские люди» подали челобитную с просьбой разрешить им расплатиться со шведами хлебом в обмен на купленных лошадей. На это последовал строгий запрет: платить только деньгами, но не хлебом. Десять лет спустя, 23 марта 1685 г., состоялся царский указ с боярским приговором, подтвердивший запрет всякой продажи хлеба за рубеж из новгородских и псковских земель (Русско-шведские, 1960. С. 466). Распоряжения центральной власти и обеспокоенность гостя Семена Гаврилова учитывали суровую реальность: на пограничных землях северо-запада страны собственного хлеба было настолько мало, что даже относительно небольшие его партии, проданные за границу, сразу же и весьма чувствительно приводили к дороговизне на местном рынке, а подвоз хлеба в Новгород из соседних уездов не мог восполнить нехватку товара и стабилизировать цену. Подобная ситуация не укладывается в концепцию существования в то время «всероссийского рынка».

Новый воевода боярин князь М. Я. Черкасский приехал в Новгород в январе 1685 г. Для поднесения ему въездной почести из монастыря послали деньги на покупку хлеба: «И вам бы ныне, – наставляли монастырские власти своих представителей в Новгороде, – хотя в возах на горки купить муки пшеничной пять четвертей да ржаной десять четвертей». Хотя зимой в лавках не бывало торговли мукой, ее все же можно было купить «в возах», то есть у крестьян, торговавших привозным хлебом. Из монастыря предписали цену покупки, располагая, по видимому, точными сведениями на этот счет: «за четверть пшеничной муки по 32 алтына, а ржаные муки за четверть по 24 алтына, итого двенадцать рублей». Сверх того архимандрит распорядился доставить для новгородского воеводы 20 четвертей овса из Старой Руссы, а также сена (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3454. Ст. 7).

Однако в январе старец новгородского подворья Арсений не смог добыть муки в Новгороде. В ответном письме в монастырь он сообщил, что «ходил в ряд и на хлебной горки, и спрашивал, и в лавках запасной муки и никакой нет, да и не ведетца, зимнюю порою нет, а живет в лавках мука летнею порою и на плотях. А ныне хто сколько привезет на торг, то и покупают возами и почетверишно, а скольких то купит, и тут и денги платит или в силах до двора по денги придет, а в долг отнюдь не дают приежжия люди. А муку покупают в три алтына, а пшаничную в четыре алтына» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3454. Ст. 13). Важным условием торговли для окрестных крестьян был немедленный платеж денег. Логично думать, что цена сделки в долг могла быть несколько дороже; это обстоятельство также следует учитывать при изучении цен.

По приезде воеводы, в феврале 1685 г., старец и стряпчий новгородского подворья все же сыскали немного хлебных запасов, о чем отчитались перед начальством: «И, приторговав пшеничной муки пять чети и изготовя ржаной муки десять чети да соли 40 пуд, да овса 8 чети, да сена 10 возов, да також-де хлеб печеной и пирог, и рыбы, и к нему боярину подвозили, и памятку, написав, ему боярину в запасах подавали». Однако воевода «только приняв хлеб да пирог, а в запасах и памяти не принял» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3454. Сст. 34–35). Не располагая средствами для покупки всей въездной почести, представители монастыря поднесли воеводе письменное обязательство предоставить ее позднее. Впрочем, крупнейший землевладелец страны князь М. Я. Черкасский поступил необычно и, намереваясь сохранить себе свободу рук, отказался от въездной почести не только от Иверского монастыря, но «и всех монастырей у властей никаких хлебных запасов, потом же и сена, ни у кого не принял» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3454. Сст. 35). Возможно, такой необычный поступок был вызван корыстолюбием прежнего воеводы, о чем стало известно в Москве.

В конце февраля 1685 г. въездную почесть новому новгородскому воеводе князю М. Я. Черкасскому и дьяку Льву Ермолаеву поднес и архимандрит Успенского Тихвинского монастыря Макарий – 12 четвертей ржи за 7 руб. 68 коп. Любопытны подробности этой покупки в Новгороде, отраженные в расходной росписи архимандрита. Подобная учетная документация была призвана фиксировать денежные траты, и потому в ней обычно не фиксировались лишние обстоятельства, относившиеся к сделке, а только собственно денежный расход. В данном случае перед нами редкая по информативности запись: «Куплена рожь на боярской и на дьячей дворы у Алексея Лихарева, московский четверик по 2 алтына по 2 денги. А на торгу в тот день купили рожь по 3 алтына» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 1. Картон 59. Д. 84. Сст. 4). Как видим, хлеб можно было купить не только в лавках или на хлебной горке, но и у частного лица, в данном случае – дворянина; такая покупка могла быть несколько дешевле базарной цены того же дня. Подобные росписи по возвращении в монастырь учитывались казначеем и докладывались соборным старцам. Представитель монастыря (стряпчий или строитель подворья) мог бы оставить себе сбереженную копейку за каждый купленный четверик, но архимандрит делать этого не стал и зафиксировал в расходной росписи факт экономии как собственную заслугу или пример для подражания. Существенно уточнение, что в данном случае рожь в Новгороде оценили в московских четвериках.

Накануне крымского похода 1687 г. размер стрелецкого хлеба с населения был увеличен в полтора раза. В январе того же года из Новгорода сообщили, что платят стрелецкий хлеб в двух местах: «по шести четвериков в своем месте, а запросному – по три четверика в другом месте» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3614. Сст. 16). Увеличение налога привело к вздорожанию хлеба. В декабре 1687 г. с новгород-

ского подворья известили, что «ценою рожь продают на горки по три алтына, а овес по два алтына. И как тот хлеб отдавать в государевы житницы, и рожь станет в гривну, а овес с лишком в два алтына» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3454. Ст. 217–217 об.).

Для предотвращения дороговизны воевода даже приостановил сбор стрелецкого хлеба. В январе 1688 г. иверские старец и стряпчий писали в монастырь: «...в Новгороде боярин заказ учинил накрепко, что отнюдь на хлебной горки откупщикам хлеба не покупать и подряжать подрядчиком не подряжатца, и целовальником государева стрелецкого хлеба отнюдь не принимать». Воевода твердо держался своего решения и отказался взять у подрядчиков посул в 40 ефимков; по словам иверского стряпчего, они «и болши б дали, да никоими мерами и не посмотрел». Некоторые монастыри «платили за крестьян ис своих монастырских житниц, а потряжать тож боярин не поволит». Эти меры не смогли предотвратить хлебную дороговизну: «рожь на горки покупают четверик по гривны доброй ржи, а овес по семи копеек доброй, а ячмень по четыре алтына доброй; пшенишную муку по пяти алтын по две денги» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3733. Ст. 2).

В ноябре 1688 г. монастырские власти велели своему стряпчему в Новгороде просить у воеводы разрешения «против прошлых годов поставить нам тот хлеб в Великий Новгород по полой Мсты реки весной» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3733. Ст. 177). В мае 1689 г. иверский стряпчий Степан Терентьев описал прибытие этого стрелецкого хлеба «на пяти плотях» из монастыря в сопровождении слуги и двенадцати крестьян. 3 мая плоты прибыли в город, а через два дня хлеб стали отсыпать в государевы житницы. Это потребовало существенных дополнительных расходов: 25 рублей изшло «от воски того хлеба з берега, извощиком, и с мешками, и подьячему молодому, и целовальником, которые на Житном дворе хлеб в житницы принимают, в почесть, а дьяку от приписи з двора по 2 денги, и подьячим старому с молодыми по 2 денги ж» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3816. Ст. 66).

Как известно, торговля и цены чрезвычайно чувствительны к бедам повседневной жизни. 9 марта 1689 г. «в третьем часу ноши» в Новгороде «болшие ряды выгорели», в том числе и анбары Иверского монастыря, сдаваемые на оброк (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3816. Ст. 51 об.). Гибель товаров неизбежно вела к дороговизне.

По-видимому, следствием пожара стала нехватка хлеба в Новгороде к концу того года. В декабре 1689 г. с иверского новгородского подворья писали: «А в житницах государских ныне хлеба нет ничево, целовальники, принимая, стрельцом и отдают. А буде хлеб с костром (то есть невывезанной. – П. С.), от стрелцов хлопот неисчетно; и с хлебом к самому боярину идут на целовальников бить челом, потому что ныне к ним, стрельцом, милость государская: сверх прежняго денежного и хлебного жалованья пожалованы, и Староруского уезду крестьяне-де

отсыпают хлеб, а там места пришли низкие, с великими хлопотами отсып». Далее в отписке прибавлены подробности заготовки хлеба: «А Чертицкого погоста у целовальника и хлеба не приняли, сам воевода не велел, бутто кострив и пылен. И мы, побив челом подьячему Петру Иванову и целовальником, ночью тихим обычаем отсыпали» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 3816. Ст. 148–148 об.).

Очередной пожар в Новгороде случился накануне праздника Знамения Пресвятой Богородицы: 26 ноября 1692 г. «в шестом часу ночи в последней четверти, загорелось подле гостя Семена Саленково, и гость выгорел, и многия посатцкие люди погорели, а ряды, и анбары, и рыбной, и мясной ряд, что было в Новегороде рядов и лавок, и анбаров не осталось ничево, и Арсеньев монастырь выгорел, шесть церквей згорело»; пожар продолжался 11 часов (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4211. Ст. 153).

В то время на цены в Новгороде повлияли не только пожар, но и ежегодные поставки стрелецкого хлеба. В сентябре 1692 г. с новгородского подворья Иверского монастыря извещали, что владычные приказные Андрей Сназин и Савва Боровитинов просят у монастырских властей подряда на поставку стрелецкого хлеба за Новгородский уезд «против прошлого году ценою з двора по пятнатцати алтын». Стряпчий Степан Семенов Лапеза не советовал архимандриту соглашаться на это предложение: «Извольте, государи, отказать, что крестьяне тот хлеб станут в Новегороде сами отсыпать, а подрядчиков в Новегороде и меньше той цены есть много, опроче их. А есть ли ныне им отдать отсыпать, и впредь их никак не отобьешь» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4213. Ст. 60).

Однако влиятельные владычные приказные проявили настойчивость. В январе 1693 г. Иверский монастырь отдал им подряд на поставку стрелецкого хлеба с монастырской вотчины «против прежних дву годов» по той же цене 45 коп. с двора. Стряпчий иверского подворья в Новгороде Степан Лапеза считал это для монастыря невыгодным и унижительным, но вынужденным: «А не отдать было того хлеба ему, Виктору, невозможно, потому что в притужность просили и не хотели никакова добра чинить». В случае отказа владычные приказные грозили задерживать отписки монастырских властей в Москву, послать в обитель «для розыску» и даже вернуть с дороги иверского архимандрита; «и тот оне подряд отъемом отняли». Владычные слуги вели себя очень уверенно и заявили иверскому стряпчему, что тот во всем им подвластен: «да не хлебом-де еще нятца» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4320. Ст. 7–9).

Напористые действия приказных вызвали у Степана Семенова возмущение. То ли это действительно сильно оскорбило его, то ли он думал, что с иными подрядчиками ему перепадет что-нибудь самому, в любом случае он решил во что бы то ни стало избавиться от вымогателей. Он «бил челом наедине боярину об обиде их слезно» и посулил

воеводе от того дела 20 золотых, а боярскому крестнику еще 5. Воевода пошел на сговор со стряпчим и разыграл заранее спланированную сцену: велел держать С. Семенова в приказной палате «и того хлеба спрашивать». А тут объявились представители двух стрелецких приказов, которые потребовали хлеба, и стряпчий дал воеводе сказку о том, что виноваты подрядчики. Воевода вызвал их к себе «и сам их допросил». Те поначалу «заперлись», но когда воевода показал, что все знает, владычные слуги «потемнели и сказали: виноваты». «В то число боярин их всенародно в приказе пред всеми дворяны понес тазать: какие-де вы подрядчики, и долго ль-де вам обители святых теснить и разорять; да все дела покиня, два часа битых казание чол». Свою грозную речь воевода завершил словами: «Архиерею в душах наших воля, а мне-де по указу великих государей в телах ваших доля. А как боярин то слово молвил, и оне, почернев, на землю поклонились и не чаяли себе ис приказу поздорову выйти, мало оне такие страсти видели» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4320. Ст. 8–10).

Напуганные владычные приказные отнесли воеводе 60 золотых, «чтоб боярин их простил, что подряжались и чтоб впредь подряжатца». Воевода принял деньги и простил их за то, что солгали, но подряжаться за Иверский монастырь запретил. Иверский стряпчий был горд своей заслугой и предлагал не бояться владычных людей: «...а от Андрея Сназина и Савы Боровитинова нападков никаких не опасайтесь, с ними жить надобь умеючи: как по них, хотя мало, оне хотят и вовсе всех нападками неволить, а как осанку учинить, то оне и сами осматриваюца» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4320. Ст. 10). Действия иверского стряпчего получили резкую отповедь монастырского начальства, поскольку тот с владычными приказными «остудился, а подряд против их же цены сойдетца» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4320. Ст. 12).

Эта история существенна для понимания важной стороны хлебной торговли. Приказные были крупными покупателями хлеба при поставках в государевы житницы. Купцы тоже могли быть хлебными подрядчиками, но приказные выступали в этом деле как «хозяева», поскольку они не только были крупными оптовыми покупателями, но, что важнее, держали под своим контролем земельных собственников – поставщиков хлеба. В самодержавном государстве хозяином жизни оказывался не тот, у кого было больше денег, а тот, кто был ближе к рычагам управления.

В конце концов, владычные приказные удержали в своих руках подряд стрелецкого хлеба с Иверского монастыря, хотя стряпчий Степан Семенов все же сумел добиться небольшой скидки при заключении подряда. В декабре 1693 г. в отчете о подряде стрелецкого хлеба он писал в монастырь: «А за Новгородской уезд ныне подряжают Андрей и Савва и за иные вотчины с ыных монастырей, которые от них и степенные не отбились, по шестнатцати алтын, против прошлого году еще прибавили по шести денег, что хлеб стал дороже». О себе

С. Семенов с гордостью писал, что он уговорился о цене подряда в 30 коп. с двора, что было на 5 коп. меньше январского уговору того же года и на 18 коп. меньше, чем у иных «степенных» монастырей: «...меньше той цене некоторыми делы подрядить невозможно, потому что хлеб в Великом Новгороде ныне против прошлого году дороже, рож покупают московской четверик по два алтына по две денги, овса четверик по десяти денег и по одиннадцати денег» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4320. Ст. 214–215). Настойчивость иверского стряпчего в уменьшении цены подряда даже при росте цен на хлеб подтверждает, что приказные-подрядчики действительно навязывали налогоплательщикам кабальные условия.

С. Семенов в деталях описал обстоятельства приема стрелецкого хлеба в Новгороде: «А в ту меру (московскую. – *П. С.*) в житницах не принимают, а принимают в двойную меру с полуверхами, а за Новгородской уезд тако же принимают в тройную меру не под гребло же». В данном случае стряпчий сообщал, что присланная из Москвы мера не стала эталоном при приеме хлеба; в Новгороде использовали двойную московскую меру с небольшим довеском («с полуверхами») и тройную тоже с некоторым верхом («не под гребло же»). Далее С. Семенов посетовал, что его доходы при поставке стрелецкого хлеба уменьшились, поскольку ранее крестьяне старорусской иверской вотчины «сами» привозили хлеб в Новгород, «и в те годы давали целовалники денги вначале подъячим старому с молодыми в анбаре ключнику да целовалником денги, и хлеб по ковшу з двора, и в анбарех поили и кормили подъячих и целовалников. И во всем том сходило, опроче похвалных, что по алтыну по отпись збираетца, и опроче того, что нашей братьи стряпчим давали с погосту рубли по два и по полтора и по рублю, смотря по погосту, сходило у них по вся годы по три денги з двора, а с иного погоста и по четыре денги и болше». При переходе на подряд доходы стряпчего новгородского подворья улетучились: «А что збираетца по шести денег под отпись, и от того осталось нашей братьи по три денги з двора, а ныне того ничего не будет» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4320. Ст. 214–215).

Подряд на поставку стрелецкого хлеба взяли в свои руки владычные приказные Андрей Сназин и Степан Боровитинов. Они вынудили передать им подряд не только с Иверского монастыря, но и с иных монастырей, «которые от них и степенные не отбились, по шестнадцати алтын (с двора. – *П. С.*), против прошлого году еще прибавили по шести денег, что хлеб стал дороже» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4320. Ст. 215).

Иверские власти медлили расплатиться с подрядчиками за поставленный хлеб. В начале января 1694 г. стряпчий из Новгорода сообщил, что подрядчики непрестанно «докучают» о деньгах за стрелецкий хлеб: «приходят с отписьми и брюзжат о денгах с великою докукою и говорят, что-де промысел весь стал за денгами, в самую лучшую пору оста-

новка денгами, одно-де время нынешнее зимнее торговать и прибыли искать на год» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4466. Ст. 7; см. также сст. 11, 31, 33).

В 1690-х годах сведений о хлебных ценах в Новгороде немного, и все они связаны с дороговизной хлебных запасов. Середина 1690-х годов выдалась неурожайной. В мае 1696 г. строитель старорусского подворья так объяснял невозможность собрать денежный оброк с крестьян старорусской вотчины: «...денег в зборе нет ни рубля за крестьянскою скудостью. А крестьяном ныне великия скудость, и хлебу недород большей. И которые тяглые свои участки вспахали, и тех участков засеять нечим, и бьют челом вам, государем, чтоб с них те тяглые участки от скудости снять в пусто, потому что сеять нечим, да и самим есть нечего. И многие участки свои в пуге покинули. И мы, послушники ваши, из монастырских житниц им, крестьяном, на семена овса выдали больши четырехсот четвериков, а больше давать нечего, и у самих в житницах хлеба малое число» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4702. Ст. 29). В августе того же года из Старой Руссы сообщали, что «денег в зборе малое число за крестьянскою скудостью, собрать тех недоборных денег вскоре до нового хлеба невозможно, а крестьяном скудость великая, у многих хлеба купить ненашто» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4702. Ст. 59).

В марте 1696 г. иверские власти велели поднести «в почесть» крестнику воеводы И. И. Квестинскому хлеба и сказать, чтобы он «на большее бы не подивился, потому и сам он знает, что ныне хлебом скудость большая» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4709. Ст. 28). В сентябре 1696 г. с новгородского иверского подворья просили прислать рожь, ржаную муку и овес и сообщили о цене в Новгороде: «А покупают рожь малой четверик по пяти алтын» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4702. Ст. 7). В ноябре 1696 г. с новгородского подворья сообщили цену самого последнего времени: «...хлеб покупают малой четверик дорогою ценою ржи ниже четыре алтына не покупали, а ячмень по гривне четверик, а овес ценою по 10 денег четверик» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4709. Ст. 139 об.).

О неурожае и «крестьянской скудости» 1696/1697 г. писали в Иверский монастырь из Старой Руссы: «...на монастырском вашем вкладном дворе хлеба ржи и овса нет за крестьянскою скудостью и за хлебным недобором, пятинного хлеба соло в зборе, не против прошлых годов; а с иных погостов хлеб и собран, и весь в расходе да в отпуске в Новгород, и занято больше ста четвертей, а платить неведомо чим... А хлебы печем, мешая рожь с овсом с Троицына дни». Многие крестьяне старорусской вотчины, «скудные и бедные, у которых рожь и яровой хлеб в 205-м году не сеяно», били челом «обо льготы» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4796. Ст. 105).

В дополнении к трудностям при сборе стрелецкого хлеба в новгородской земле в марте 1697 г. в Новгород привезли государеву грамоту

«о бережении хлеба во архиерейском доме и в монастырях, и тот хлеб чтоб вести летним путем в Азов» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4796. Сст. 30).

Ценные сведения о стоимости хлеба находим в росписи «грабежному животу», составленной в декабре 1698 г. крестьянина Коростынского погоста Семена Вавилина. Он оценил украденный в снопах хлеб, исходя из нормы умолота, указав цену зерна: «ржи шестьсот снопов по умолоту з двусот будет по семи четвериков в старорусскую большую меру, восьмьсот снопов жита з двусот по умолоту по четверти, полторы тысени снопов овса, з двусот по умолоту по 10 четвериков, цена ржи по 9 алтын, жита по две гривны, овса по гривны четверик» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4862. Сст. 103), то есть старорусский четверик «большой меры» ржи оценен в 27 коп., жита по 20 коп., овса по 10 коп.

В 1699 г. в Новгороде хлеб был дешев. 21 марта того года тихвинский монах по приезде в город покупал овес по 5 коп. за московский четверик (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 799. Л. 44 об.–45 об.), а в декабре того же года чуть дороже: 12 декабря – по 6 коп. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 799. Л. 68), 20 декабря – по 5½ коп. за четверик (обычное незначительное повышение цены овса в середине зимы) (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 799. Л. 74 об.). Пшеничная мука, купленная 24 декабря 1699 г., в навечерие Рождества, обошлась тихвинскому слуге 20 коп. за четверик (Архив СПбИИ РАН. Ф. 132. Оп. 2. Д. 799. Л. 76).

Махинации с мерами сыпучих тел оставались обычным делом. В апреле 1699 г. при поставке стрелецкого хлеба в государевы житницы обнаружилась значительная недостача размером в 291 четверик. Иверские власти выговорили новгородскому стряпчему Прокофию Агафонову: «В прошлых годех с тех же погостов тот хлеб был, и еще оставалось в лишке четверика с полтора. Ино твое стряпческое плутовство, и за то ты довелся смирения и пени монастырские, сплутав, да у нас же еще хлеба просишь. <...> И тебе о том хлебе справливатца как ты знаешь, а у нас хлеб весь к тебе послан, а буде не справишься, и на тебе тот хлеб доправлен будет вдвое. <...> А нам ведом учинилось, что тот хлеб отсыпал сын твой робенок, а то дело не робячье» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4938. Сст. 80).

В дальнейшей переписке с новгородским подворьем упоминания о хлебных ценах становятся большой редкостью, по-видимому, по причине передачи того дела подрядчикам. В июне 1699 г. в отписке с новгородского подворья в монастырь предлагали даже и небольшую недоимку стрелецкого хлеба платить не самим: «... не лутче ль под тот хлеб подрядить заплатить в государевы житницы, чтоб нам вольно, прежние записи отставя, розниматся приказом» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4938. Сст. 111–112). В июле того же года иверский стряпчий Марк Петров утверждал, что никто не берется за подряд меньше, чем по 70 копеек с двора, при этом «на горки хлеб ржи четверик покупают по

пяти алтын по две денги, овса по два алтына» (Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 4938. Ст. 148). В данном случае внутренняя монастырская переписка и расходные книги новгородского подворья надежно подтверждают друг друга: весной – зимой 1699 г. цена овса колебалась в пределах 5–6 коп. за московский четверик, который к концу XVII в. стал настолько привычной мерой, что в монастырской отписке или в расходной книге не всегда было необходимо указывать, что использована именно она.

В заключение составим общее представление о движении цен на рожь (стоимость овса более, чем ржи, зависела от времени года и поэтому менее показательна) в Новгороде во второй половине XVII в., исключив период денежной реформы 1654–1662 гг. по причине существенной волатильности цен тех лет. Вплоть до конца 1679 г., на «хлебной горке» использовали новгородскую хлебную меру. В 1668 и 1669 гг. четверик ржи стабильно стоил 10 коп. В годы голода 1670–1671 гг. его цена колебалась в пределах 16–30 коп.. С началом русско-турецкой войны она оставалась высокой: в 1673–1676 гг. – от 10 до 13 коп. В 1679 г. номинальная стоимость четверика ржи снизилась по двум причинам. Сначала «денежная скудость» опустила его цену до 8–12 коп., а после перехода на новую московскую меру (меньше новгородской в 1,6 раза) четверик ржи стали покупать по 5–6 коп. (в 1681–1685 гг.).

В свете новых данных следует решительно отказаться от распространенного представления о переходе в 1679 г. на восьмичетвериковую четверть. Резкое уменьшение хлебных цен после 1679 г. является еще одним подтверждением того, что в том году размер четверти не увеличился с 6 до 8 четвериков (тогда бы цена заметно возросла, а не уменьшилась в полтора раза), а оставался таким же, каким стал в начале XVII в. – 8 четвериков. Значительное уменьшение хлебных цен в Новгороде после 1679 г. стало следствием перехода с новгородской меры на московскую.

На середину 1680-х годов выпало несколько неурожайных лет; в 1685 г. четверик ржи покупали по 7 коп., а в год первого крымского похода 1687 г. по 9–10 коп. В 1693 г. находим цену в 7 коп., а после удешевления копейки в 1696 г. до 0,28 г. московский четверик в Новгороде покупали в пределах 12–16 коп. (1696–1699 гг.). Таким образом, в относительно благополучные годы новгородский четверик ржи стоил 10–12 коп. При переходе на московскую меру изменилась номинальная, но не реальная цена хлеба: с уменьшением меры в 1,6 раза цена уменьшилась на столько же. Уменьшения почти в два раза рублевой стопы в 1696 г. во столько же увеличило и номинальную стоимость хлеба.

Анализ хлебных цен и оборота хлеба в Новгородской земле второй половины XVII в. позволяет сделать вывод о состоянии рыночных отношений в Новгородской земле. К концу столетия «московский» четверик потеснил новгородскую меру на местном рынке. Однако «новго-

родская», «софийская», «старорусская», «тихвинская», «олонецкая» мера продолжали активно использоваться вплоть до конца XVII в. Характерно, что общегосударственные натуральные налоги продолжали собирать не в «московскую», а в местные меры. Наличие местных мер сыпучих тел наряду с общерусскими («московскими») мерами и их чересполосное, ситуационное, использование являются существенным препятствием для того, чтобы считать всероссийский рынок XVII в. сложившимся явлением.

Хлебную торговлю сдерживал недостаток денежной наличности, особенно заметный к концу XVII в. На протяжении XVII в. вес серебряной копейки существенно снизился. В 1626 г. ее нормативный вес был установлен в 0,48 г, с 1680 г. – 0,42 г (на деле вес снизился на 10 %), с 1696 г. – 0,28 г. (Мельникова, 1989. С. 228–229). В письме 15 марта 1681 г. нидерландский резидент И. Келлер сообщил из Москвы, что в результате понижения веса монеты «народ потерял» 15 % ее стоимости (Седов, 2008. С. 465). То есть в изучаемый период покупательная способность одного рубля в 1680–1696 гг. уменьшилась (по сравнению с 1650–1680 гг.) до 87 ½ коп., а в 1696–1700 гг. – до 58 1/3 коп. Этим объясняется удвоение номинальной цены московского четверика ржи на новгородской «хлебной горке» с 1696 г. При повышении натуральных и денежных сборов в военные годы у населения почти не оставалось свободных денег, и объемы торговли резко падали – «вдвое и болши».

Излишек хлеба на малоплодородных землях Севера-Запада был невелик, и хлебная торговля там сильно зависела от частых недородов, повышения хлебных и денежных налогов военных лет, пожаров и наводнений. Неразвитая дорожная инфраструктура сезонно ограничивала подвоз хлеба в Новгород.

В этих условиях власти считали необходимым запастись наличный хлеб в государевы и владычные житницы, монастырские анбары, с тем, чтобы в голодные годы содержать местных служилых людей и регулировать хлебные цены. Аккумулирование значительной части хлеба в житницах уменьшало и без того небольшие запасы, которые могли бы поступить для рыночной продажи. Поэтому во второй половине XVII в. вывоз хлеба из Новгорода за рубеж представлялся властям катастрофой и был категорически запрещен. Показательно, что некоторые воеводы сами вели контрабандную торговлю хлебом за границу, а торговые люди (целовальники), которым было поручено ловить контрабандистов, не смели донести на преступника-воеводу, пока он исполнял свою должность.

В таких условиях «хозяевами» на хлебном рынке Новгорода были не «капиталисты-купцы», а воеводы, митрополиты и их приказные люди. Воеводы и новгородские владыки располагали значительными запасами зерна в житницах и в случае необходимости регулировали цены не рыночными методами, а распределением хлеба из своих запасов по указной цене.

Приказные люди воеводского и владычного дворов часто выступали подрядчиками при поставке хлеба в государевы и митрополичьи житницы. Они использовали зависимость подвластного населения и закупали крупные партии хлеба в уездах Новгородской земли для поставки в казну. Их нажива на хлебной торговле была далека от «создания буржуазных связей», которые рассматривались как основное содержание процесса складывания всероссийского рынка XVII в.

Таким образом, корректнее говорить о том, что процесс складывания всероссийского рынка берет свое начало в XVII в., а завершился значительно позднее. В этом отношении ленинское высказывание о складывании всероссийского рынка «примерно с 17 века» ближе к реальности, нежели стремление исследователей советского времени найти этот рынок уже в XVII и даже в XVI столетии.

Литература и источники

Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 132. Оп. 1–2.

Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 181. Оп. 1–2.

Архив СПбИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 171.

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

АМГ, 1894 – Акты Московского государства. СПб., 1894. Т. II.

АМГ, 1901 – Акты Московского государства. СПб., 1901. Т. III.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2000. Т. 1.

ДАИ, 1848 – Дополнения к Актам историческим. СПб., 1848. Т. III.

ДАИ, 1851 – Дополнения к Актам историческим. СПб., 1851. Т. IV.

ДАИ, 1857 – Дополнения к Актам историческим. СПб., 1857. Т. VI.

ДАИ, 1862 – Дополнения к Актам историческим. СПб., 1862. Т. VIII.

Зверев С. В. Монетное дело в Новгороде в середине XVII в. // Вестник РГГУ. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 4.

Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская метрология. М., 1975.

Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – начала XX века: опыт количественного анализа. М., 1974.

Козлов С. А., Дмитриева З. В. Налоги в России до XIX в. 2-е изд. СПб., 2001.

Колесников П. А. Практические задания и литература по исторической метрологии, хронологии и русской палеографии / сост. П. А. Колесников. Вологда, 1979.

Котов В. В. Псковский край в эпоху феодализма // Псков: научно-практический, историко-краеведческий журнал. 2007. № 26.

Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 1.

Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Вспомогательные исторические дисциплины: учебник для студентов вузов. 2-е изд. М., 2015.

Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого. М., 1989.

Миклашевский И. Н. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894. Т. I.

Миронов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Л., 1981.

Морозов Б. Н. Записная книжка помещика XVII в. // Советские архивы. 1983. № 5.

ПСРЛ, 1968 – Полное собрание русских летописей. М., 1968. Т. 31.

ПСРЛ, 1982 – Полное собрание русских летописей. Л., 1982. Т. 37.

Раздорский А. И. Таможенная книга Великого Новгорода 1677/78 г. как исторический источник // Вестник архивиста. 2020. № 2.

РИБ, 1878 – Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т. V.

Русско-шведские экономические отношения в XVII веке: сборник документов. М.; Л., 1960.

Сахаров И. Г. Торговая книга // Записки отделения Русской и Славянской археологии Императорского Археологического Общества. СПб., 1851. Т. I.

Седов П. В. Закат Московского царства: царский двор конца XVII в. М., 2008.

Семенов А. И. Древняя топография средней части Торговой стороны Новгорода // НИС. Новгород, 1962. Вып. 10.

Семенов А. И. Топография новгородского торгового двора в 1587 г. // НИС. Л., 1936. Вып. 1.

Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города: тихвинский посад в XVI–XVIII вв. М.; Л., 1951.

Тимошенкова З. В. Социокультурный облик северо-западной деревни XVII – начала XVIII вв. Псков, 1999.

Тихомиров Л. В. Новгородский хронограф XVII века // Тихомиров Л. В. Русское летописание. М., 1979.

Цивинский Д. Н. Словарь-справочник по системам единиц измерений: учеб. пособие. Самара, 2013.

Шостьин Н. А. Очерки истории русской метрологии. М., 1975.